

Натаалья
Шнейдер

СЕРДЦЕ НЕКРОМАНТА

Наталья Шнейдер
Сердце некроманта

«Автор»

2023

Шнейдер Н.

Сердце некроманта / Н. Шнейдер — «Автор», 2023

Сама того не желая, я, светлая жрица, спасла от смерти некроманта. Теперь я — беглая отступница. Все, чему меня учили, все, во что я верила, оказалось ложью. Я уже не знаю, кому и чему верить. Единственный, кто остался рядом — этот мужчина, отдавший душу тьме.

© Шнейдер Н., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	21
Глава 6	25
Глава 7	29
Глава 8	33
Глава 9	37
Глава 10	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Наталья Шнейдер

Сердце некроманта

Глава 1

Пламя факела колыхнулось, выхватив из темноты лежащее на скамье тело.

Обнаженное мужское тело.

Я ойкнула, тут же прикрыла рот ладонью. Заставила себя выпрямиться, натянув на лицо непроницаемую маску. Служительнице пресветлого Фейнрита не к лицу смущаться перед рабом Алайруса. Даже если щеки горят так, что, наверное, могут осветить камеру поярче факела – я сильнее приспешника темного бога, а низменным помыслам сейчас и вовсе нет места.

Стражник шагнул вперед, приблизившись к узнику. Факел, словно издеваясь, высвечивал то перевитое мышцами плечо, то упругие ягодички. Во рту пересохло, и перестало хватать воздуха. Я уставилась в стену прямо перед собой – но она тонула во мраке, и взгляд сам собой устремился вниз.

Стражник подошел ближе, осветив черного целиком. Отчаянно стыдясь саму себя, я уставилась на него и снова едва не вскрикнула. На спине живого места не было – вспоротая кнутом кожа чередовалась с ожогами.

«Он некромант, – напомнила я себе. – Возможно, он это заслужил».

Только дышать стало еще труднее – и сейчас вовсе не потому, что я впервые видела нагого мужчину.

– Прикройся, паскудник, – гаркнул стражник.

Узник поднял голову, длинные черные волосы упали на лицо.

– Зачем? – голос был хриплым, точно карканье ворона. – Вы так старательно меня раздевали!

– Прикройся, – повторил стражник.

Он подобрал с пола и швырнул в черного ком тряпья. Тот вздрогнул, когда ткань упала на обнаженную спину, по телу пробежала судорога, но только неровный вздох выдал, что ему больно.

Сквозь гриву спутанных волос блеснули глаза.

– Неужели пресветлую сестру так смущает мой голый зад?

Я хватанула ртом воздух, судорожно подыскивая подходящий ответ.

– Ох, как я мог подумать так плохо о юной и чистой деве? – ухмыльнулся узник. – Конечно же, ее смущают раны, что нанесли мне ее братья ради моего же блага!

Стражник вздернул его за волосы, глухой стон сменился вскриком, когда кулак врезался узнику в лицо.

– Да я тебя...

– Хватит! – воскликнула я. Стражник выпустил узника, я решительно шагнула вперед, встав между ним и черным. – Вы! – Я ткнула стражника в грудь. – Покиньте нас. Пусть этот человек остается как хочет. Исповедь не требует одежды.

В конце концов, какова цена принесенных обетов, если меня может смутить полуживой смертник? Я должна быть выше любых низменных чувств. Любых.

– Но сестра... – начал было стражник.

– Речь идет о душе, и в сравнении с ее спасением голые тела...

– Даже если это первые голые мужские тела, которые ты видишь, сестра? – смех черного, хриплый и страшный, хлестнул, точно плеть.

Я стиснула зубы. Каков бы ни был этот человек, дело касается спасения души. Моей гордыне здесь не место.

Стражник отодвинул меня, точно куклу. Ударил черного. В этот раз узник не вскрикнул.

– Хватит! – Я схватила стражника за плечо, оттаскивая. – Я сказала, оставьте нас!

– Зря вы, сестра. Он под пыткой глумился над нами, и над вашим добросердечием только поглумится. – Брезгливо скривившись, страж обтер кулак о накидку, прикрывавшую кольчугу.

Я вскинула голову.

– Я пришла сюда исполнить свой долг, и я его исполню.

Стражник усмехнулся. «Пой птичка, пой. Посмотрим, надолго ли хватит твоего рвения», – было написано у него на лице. Я изобразила самое непреклонное выражение, на которое только была способна. Да, я совсем недавно приняла посвящение, и этого человека должна была исповедовать сестра Елена. Но она заболела, и матушка Епифания велела идти мне. «Чем раньше ты увидишь зло во всей его неприглядности, тем лучше,» – сказала она.

Этот некромант был воплощенным злом, но сейчас мне хотелось ударить стражника, а не его.

– Что ж, воля ваша. Стучите, если что. – Стражник воткнул факел в крепление на стене.

Скрипнули петли, стукнула дверь. Я осталась наедине с узником.

Сердце подпрыгнуло к горлу, мешая дышать. Я вскинула голову. Я пришла сюда исполнить свой долг, и я его исполню.

Черный медленно, с видимым усилием, сел на нарах. Откинул со лба волосы, открывая лицо – лицо молодого мужчины. Если бы не опухшая скула и тонкая струйка крови от разбитой губы, его можно было бы даже назвать красивым. Разве зло не должно было наложить на него свой отпечаток? Разве некромант может быть таким...

Я заставила себя выкинуть из головы неуместные мысли. Будет о чем поговорить на исповеди с матушкой Епифанией, но сейчас я здесь за другим.

– Извини, что не могу приветствовать тебя стоя, как подобает, сестра. – Он посмотрел на меня с насмешливым любопытством.

«И слава Пресветлому», – едва не вырвалось у меня. Не хватало еще, чтобы он встал, явившись во всей красе. Щеки обожгло, и я поспешила выбросить из головы грешные помыслы.

– Твои братья слишком усердно пытались наставить меня на путь истинный. – Голос черного окреп, обретая силу, из хриплого карканья превратившись в глубокий низкий баритон.

Я посмотрела ему в лицо – ни раскаяния, ни страха. И собственная нагота его, казалось, вовсе не смущала.

По коже пробежал холод, я зябко передернула плечами. Сквозняку здесь было неоткуда взяться, но воздух казался промозглым. Камень и темнота давили.

– Оденься, – постаралась сказать это как можно мягче. Нет, меня тоже не должны волновать «обнаженные мужские тела», тем более что, разговаривая, надо смотреть друг другу в лицо, а не на... ниже пояса. – Здесь холодно.

– Да ты никак шутишь, сестра? Здесь жарко.

И в самом деле, у него на лбу проступила испарина. Я мысленно обругала себя. Так вот откуда этот блеск глаз – не насмешка, а жар. И наглость тоже оттуда – этот человек просто болен и не отдает себе отчет...

– Здесь холодно, – повторила я, подходя к нему. Протянула руку – пощупать лоб, но черный перехватил мое запястье, и я едва не вскрикнула. То ли от неожиданности, то ли от жара пальцев, обжегшего мою кожу, то ли от боли – хватка оказалась слишком жесткой для человека, якобы неспособного держаться на ногах.

– У тебя жар.

Я потянулась к магии – и словно провалилась в пустоту. Это оказалось так неожиданно и жутко, что я едва устояла на ногах.

– В кладку встроены артефакты, поглощающие магию. – В голосе черного прозвучала что-то вроде... сочувствия? – Ты здесь так же бессильна, как и я.

Я снова обругала себя – как я могла забыть! Конечно, никто не оставит некроманту возможность колдовать.

– Я принесу тебе отвар ивовой коры. И...

Его смех, жесткий и страшный, заставил меня отшатнуться.

– Как трогательно, – сказал черный, отсмеявшись. – Пытаться избавиться от жара человека, которому скоро станет еще жарче.

Я прокусила губу, пытаюсь сдержать навернувшиеся от обиды слезы.

– Грешно смеяться над милосердием.

– Так я и есть грешник. – Он попытался пожать плечами, но движение оборвалось, едва начавшись, лицо на миг исказилось от боли. Или мне это показалось – потому что, когда я заглянула ему в глаза, в них по-прежнему были лишь любопытство и насмешка. – Ты зря пришла, сестра.

– Я пришла исповедовать тебя и подготовить к последнему пути.

– Исповедовать? – усмехнулся он. – Пока твои братья-инквизиторы будут внимательно слушать, не назову ли я каких имен?

– Тайна исповеди нерушима! – возмутилась я.

Он замер на миг, а потом вдруг ухватил меня за запястье, стремительным рывком пригнул к себе. Я едва удержалась на ногах, воздух застрял в горле, мешая вскрикнуть. Черный свободной рукой сжал мой подбородок, заглядывая в глаза, и я застыла, замороженная этим взглядом, кажется, даже забыв, как дышать.

– Откуда ж ты взялась, такая наивная птичка? – Он провел большим пальцем по моей скуле, и это прикосновение обожгло меня. – Или они думали, что, если пришлют тебя вместо какой-нибудь старой сколопендры, я растрогаюсь и разболтаюсь?

Я рванулась, отчетливо понимая: даже измученный и ослабевший, он сильнее. Надо было крикнуть, позвать на помощь, но грудь словно перехватило ледяным обручем и воздух застрял в горле.

Черный выпустил меня так же неожиданно, как схватил, и я едва удержала равновесие. Отступила к двери, паника захлестывала разум. Бежать! Из этого каменного мешка, что в месте с силой тянет из меня, кажется, и саму жизнь. От этого жуткого черного, способного лишь посмеяться над последним таинством.

Нет. Мой долг, долг жрицы пресветлого Фейнрита – заботиться о душах, которые еще можно спасти. Этот человек – воплощение зла, но господь в милосердии своем способен принять и эту душу.

Этот человек страдает от боли, и жар мутит его разум. Значит, я должна быть разумной за двоих.

– Здесь есть воздуховоды, иначе ни один узник не протянул бы и суток, – усмехнулся черный. – А где есть воздуховоды, там есть и уши. Ты зря пришла, сестра.

– Речь идет о твоей душе. Исповедь и покаяние...

– Покаяние? – Он поднялся, шагнул ко мне, и я попятилась, разом забыв обо всем, перестав видеть хоть что-то, кроме его лица, сейчас искаженного яростью. – В чем я должен покаяться? В том, что таким родился? Что Алайрус дал мне силу, не спрашивая моего желания? Или в том, что осознав эту силу, я не приполз к вам на коленях, чтобы вы забрали ее вместе с моей волей и разумом? Покаяться в том, что не согласился стать рабом, покорным големом?

Каждое его слово хлестало, словно пощечина, и с каждым словом я отступала, пока не уперлась спиной в стену. Но черный не отставал, и сейчас он навис надо мной и смотрел сверху.

– Если выбор между покорностью и костром – я выбираю костер. Ты зря пришла, сестра. Мне не в чем каяться, и исповедоваться я не желаю.

Зло и гордыня. В нем в самом деле не осталось ничего, кроме зла и гордыни. И все же я должна была...

– Ты выбрал, как жить, но жизнь коротка...

Да уж, куда как короче. Ему, наверное, не больше двадцати пяти. Даже младше моего брата.

– Без покаяния ты обрекаешь свою душу на вечные... – Я осеклась под насмешливым взглядом.

– Так ведь потому меня и ждет костер, не так ли? Чтобы пламя сожгло зло, очистило душу, и она могла предстать перед Фейнритом...

Он отвернулся, двинулся к нарам, и я, наконец, вспомнила, как дышать. Только взгляд никак не мог оторваться от него, то и дело возвращаясь к широким плечам и гордой посадке головы.

К багровым струпьям ожогов и кровавым полосам от кнута.

– Хотя я предпочел бы тот мрак, где царит Алайрус. Он, по крайней мере, не лицемерит.

Черный пошатнулся, и я рванулась к нему прежде, чем поняла, что делаю. Подхватила под локоть. Он оттолкнул меня – сильно и больно. Я вскрикнула, теряя равновесие. Распахнулась дверь. Черный ухмыльнулся.

– Тайна исповеди, значит...

Кулак стражника врезался ему под дых, обрывая слова.

– Не смей! – закричала я. Забыв о том, что пресветлой жрице подобает хранить достоинство, бросилась на стражника, оттаскивая его за плечи. – Прекрати! Он ничего мне не сделал!

Стражник развернулся. «Тогда чего орала?» – было написано у него на лице.

– Проводите меня, – выдавила я, из последних сил стараясь не расплакаться.

Глава 2

– Эви, Эви...

Матушка Епифания сокрушенно покачала головой. Мне захотелось склониться, упасть на колени. Ткнуться лицом ей в юбки, как когда-то я прибежала к маме со своими бедами.

Свою семью я не видела восемь лет, с тех пор, как мой дар явил себя и меня отправили в обитель. Посвящая себя Фейнриту, послушницы, а потом пресветлые сестры отрекаются от мирского и от былых привязанностей. Но человек не может быть один, и матушка Епифания стала мне второй матерью.

– Немудрено запутаться, впервые столкнувшись с настоящим злом так близко, – сказала она. – Зло притягательно и соблазнительно. Яви оно свой истинный лик, и кто бы решился последовать за ним? Тот мужчина... он ведь показался тебе...

– Что вы говорите, матушка! – воскликнула я, перебивая ее. Щеки налились горячим свинцом, и я невольно схватилась за них, точно пытаюсь спрятать.

Она мягко улыбнулась.

– Когда-то и я была молода.

«Откуда ж ты взялась, такая наивная птичка». Я словно снова ощутила касание горячих рук. Щеки запылали еще ярче.

– Я хочу вернуться в нашу обитель! – вырвалось у меня.

Совсем недавно я так радовалась, что матушка берет меня в столицу вместе с другими сестрами. Не только потому, что это было честью. Возможно, мне хоть издали посчастливится увидеть королевскую чету или кого-то из принцев.

Но сейчас я всей душой стремилась обратно – в тихую размеренную жизнь, к которой я успела привыкнуть. Туда, где...

– Туда, где нет соблазнов? – спросила матушка, словно прочитав мои мысли. – Девочка моя, ты не сможешь бегать от искушения всю жизнь. Лучше, если ты столкнешься с ним сейчас, когда рядом есть кто-то, кто сумеет тебя поддержать и наставить. Справишься один раз – дальше будет проще, ведь ты убедишься в силе своей веры и своего духа.

– Так вы специально послали к черному именно меня? – догадалась я.

– Да. Эвелина, Фейнрит дал тебе сильный дар, но кому много дано, с того много и спросится. И поэтому тебе не отсидеться за стенами обители, избегая соблазнов. Но ты юна и многому еще должна научиться... – Она помолчала. – Скажи правду – ты ожидала увидеть чудовище?

Я кивнула.

– А увидела красивого, возможно, страдающего мужчину, и теперь не знаешь, что и думать?

– Да, матушка, я... – Я замешкалась, подбирая слова.

Я рассчитывала увидеть чудовище, это правда. Но причина моего смятения была вовсе не в том, что вместо чудовища мне предстал человек.

Если злодей заслужил смерть, он должен умереть. Но унижать? Мучить? Чем мы тогда отличаемся от него?

Я собралась это озвучить, но матушка перебила меня.

– Боги никому не посылают страданий больше, чем человек способен вынести.

Я открыла было рот и снова закрыла – что я в свои восемнадцать могу знать о воле богов и страданий?

– Что до твоего смятения – это не последний красивый мужчина, которого ты встретишь на своем веку. Тело – сосуд для души и такое же создание Фейнрита. Нет греха в том, чтобы

видеть телесную красоту. – Ее лицо стало грустным. – Грех в том, чтобы налить в хрусталь навозную жижу вместо драгоценного вина. Дитрих красив...

Дитрих. Вот, значит, как зовут черного. Имя удивительно ему шло – такое же жесткое и злое, как он сам.

О какой ерунде я думаю? Какое мне дело до имени этого человека? Утром его не станет, а потом и имя сотрется из воспоминаний. Чем быстрее, тем лучше.

– Красив, но душа его черна. Тебе жаль его?

– Нет, – покачала я головой. – Не жаль.

Даже избитый, в жару от лихорадки и едва держась на ногах, он не выглядел жалким.

– В самом деле? – Острый взгляд матушки Епифании, казалось, пронзал меня насквозь, проникая в самую глубину души, не оставляя права ни на одну потаенную мысль.

– Он не вызывает жалость, – попыталась я объяснить. – Но заслуживает сострадания.

– Сострадание... Ловушка для наивной души.

– Но... – Я не привыкла, не умела спорить, и сейчас мне отчаянно не хватало слов. – Пусть боги не посылают никому испытаний больше, чем человек способен вынести, пусть некромант заслужил все, что с ним произошло – разве это повод отказать ему в сочувствии? Разве милосердие и сострадание не пристали служительницам Фейнрита? Разве вы не говорили...

– Ловушка, порожденная гордыней, – продолжала матушка Епифания, словно не услышав меня. – Потому что лишь гордыня может заставить поверить, будто сострадание способно исправить закоренелого грешника.

– Но я не говорю об исправлении! Я говорю о милосердии!

– Не все заслуживают милосердия.

– Но разве людям, а не богам это решать? Разве не гордыня – делить людей на чистых и нечистых?

Не знаю, почему я так уперлась. Раньше я никогда не осмеливалась спорить с матушкой. Неужели она права, и дело в гордыне? Желания оставить за собой последнее слово, хотя что я, не ведавшая мирской жизни, могу знать о людях? И все же я не могла остановиться.

– Разве не должны мы исцелять тела и души, и разве мы отказываем тем, кто приходит к нам за исцелением?

– Не все болезни тела можно исцелить, тебе ли не знать.

Я опустила голову, на глаза навернулись слезы. Неделю назад в лучший мир ушла послушница Марта.

«Не жилища», – говорили про нее с самого начала. Родители отдали ее храму не то в надежде на исцеление, не то, чтобы не видеть, как угасает их дитя. Ни магия, ни молитвы не сумели ее спасти, хоть и подарили ей восемь лет жизни – ровно половину от всего отведенного богами срока.

Мы попали в храм в один день, и я любила ее как младшую сестренку. Прошла всего лишь неделя, и, несмотря на путешествие и новую обстановку – а может, благодаря им – утрата была еще свежа.

– Не все души можно спасти. Особенно если человек сам отвергает спасение. Мы не отказываем тем, кто приходит к нам за исцелением, это правда, но разве Дитрих просил исцеления? Ведь он оттолкнул тебя?

– Откуда вы... – Я осеклась, сообразив, что она имеет в виду не физическое действие.

– Дитрих – некромант. Было бы странно, если бы он склонился перед светлой сестрой.

– Не передо мной, но перед Фейнритом.

– Разве тот, кто сам отдал свою душу Алайрусу, способен благоговеть перед Фейнритом?

– Он говорил, что не выбирал... В самом деле, боги даруют силу не спрашивая. Как мне.

Как вам.

Боги могут не дать силы наследнику знатного рода и одарить ей крестьянина из глухой деревни. Для знати существовали наставники, школы, университеты. Чернь же, столкнувшись с силой, которую не понимали и не могли укротить, часто становилась причиной многих бед. Не просто так служители и служительницы Фейнрита, странствуя по миру, не только лечили и учили, но и искали одаренных детей, собирая их в обителях.

Впрочем, этот человек не походил на простолюдина. Не удивлюсь, если за его спиной поколения и поколения знатного рода.

Лицо матушки посуровело, и я сжалась, как всегда, когда чувствовала ее недовольство.

– Мы выбираем всегда. Каждый шаг, каждый миг. Когда Дитрих узнал, что стал средоточием греха, он мог выбрать. Нести зло в себе, приумножая его, или покаяться и очиститься.

«Покаяться в том, что не согласился стать рабом, покорным големом?» – словно наяву услышала я звенящий от ярости голос.

В детстве вокруг меня хватало очищенных – магов, решивших отказаться от некромантии. Особый обряд блокировал им черную силу, вместе с ней – изрядную часть магии, заодно делая и нечувствительными к чужим заклинаниям. Очищенные считались хорошими слугами: послушными и нетребовательными. Их магия – те крохи, что от нее остались – создавала свет, тепло, поддерживала чистоту, да и на кухне в хороших домах от них было много пользы.

Потом я забыла о них – каждодневный труд был частью послушания, и слуг в обители не водилось. Я снова увидела очищенных, лишь вернувшись в столицу. Увидела и испугалась – их лица не выражали ничего, так мог бы смотреть восставший труп. Их голоса были тихи и безэмоциональны, да и откуда возьмутся эмоции у того, кто не имеет собственных желаний?

Но если выбор между...

Додумать я не успела – дверь распахнулась, незнакомая сестра воскликнула:

– Матушка!..

– Виктория... – Услышь я такой тон, испарилась бы немедленно, но сестра, кажется, никого не слышала.

– Демоны прорвались над Эзенфелсом! – выпалила она. – Говорят, на пять лиг вокруг замка никого живого не осталось!

Я охнула, матушка осенила себя священным знаменем.

– Замок? – спросила она.

– Устоял. И сестры обители успели укрыться.

Демоны то и дело вселялись в мертвых – из-за этого любого покойника следовало возложить на погребальный костер до конца дня. Демоны смущали разум живых, и горе тому, кто поддастся соблазну – он лишится собственной воли, став марионеткой зла. Иногда же демоны прорывали саму ткань мира, каждый раз собирая кровавую жатву.

– Значит, наша помощь не понадобится. А тебе вместо того, чтобы сплетничать, пристало бы молиться за упокой.

Как она может быть такой сдержанной? Ведь совсем недавно пал Салфид...

– Простите, матушка, – потупилась сестра.

– Ступай.

Матушка Елифания снова повернулась ко мне.

– В моей юности разрывы открывались раз в несколько лет, и каждый считался катастрофой. Этот – третий за год, и его уже почти не удостоили вниманием. Порой мне кажется, что в самом деле настают последние времена. Впрочем, на все воля Его. – Матушка снова осенила себя священным знаменем, и я повторила вслед за ней. Она продолжала: – Если говорить о сострадании и милосердии – те, кто погиб под Эзенфелсом без покаяния, куда больше заслуживают их, чем некромант. Приспешник Алайруса, наставшего на нас эту напасть.

– Но Дитрих не мог создать разрыв из темницы!

– Какая разница, он или другой? Или, думаешь, на его руках нет крови? На руках человека, чья сила питается смертью? – лицо матушки стало холодным и отстраненным, голос зазвучал торжественно и сильно. – Если говорить о сострадании и милосердии, самое милосердное, что можно сделать – пресечь его земные дела, не позволяя грешить дальше. И провести через огонь, чтобы душа очистилась, вернувшись к Фейнриту.

Я содрогнулась – но не трепет перед волей служительницы божьей был тому причиной. Легко говорить об очистительном костре для некроманта. Но лишь до того, как заглянула ему в глаза.

Да что со мной? Неужели матушка права, и зло соблазняет меня, лишая способности мыслить здраво и беспристрастно?

– Почему его пытали?

Зачем мне это знать? Боги не посылают испытаний сверх того, что мы можем вынести, так? Некромант это заслужил?

Матушка Епифания грустно улыбнулась.

– Полагаешь, я не понимаю, о чем ты думаешь? Мы, служители света, пытали узника, так чем мы лучше него?

Я смутилась под ее пронизательным взглядом.

– Да... Простите мои сомнения.

– Они говорят о чистоте твоей души. Но, девочка моя, пора тебе взрослеть.

Я вопросительно посмотрела на нее.

– Добро должно быть сильным. Да, допрос с пристрастием выглядит злом, но это не так. Если душа столь погрязла в грехе, что не видит света, приходится использовать средства тьмы.

– Я не понимаю вас, матушка.

– Дитрих не явился из самой преисподней. Кто-то его учил. Этого кого-то тоже надо найти. Возможно, это тот самый человек, что разорвал ткань мира над Эзенфелсом. Но некромант не назовет своих учителей по доброй воле.

Вот, значит, что он имел в виду, говоря «размякну и разболтаюсь» – имена, которые он мог назвать, исповедуясь. Наставник. Может быть, родичи – ведь в самом деле, не взялся же он из ниоткуда.

– Нельзя разить зло, не запачкав манжеты в крови, – продолжала матушка Епифания. – Благая цель оправдывает любые средства.

Любые ли? Нет, не стану думать об этом. Я ничего не знаю о жизни. Наверное, они правы, а я... Нет, если я углублюсь в раздумья, запутаюсь окончательно.

Но все же в голове продолжали тесниться вопросы, не давали покоя, рвались на язык, и я выбрала самый безобидный:

– Так он не назвал учителя?

Глава 3

Матушка пожала плечами.

– Я не знаю. Об этом тебе стоило бы спросить инквизиторов. Думаю, делом некроманта занимался сам Первый брат. Хочешь, я договорюсь об аудиенции?

Я замотала головой.

– Правильно опасаться, – сказала матушка.

На самом деле страх перед братьями останавливал меня. Я хотела бы забыть. Забыть этого человека с любопытным и насмешливым взглядом. Какая мне разница, кто его учил? Искать и карать зло – забота братьев, моя – нести в мир не страх, но свет. Каждому свое, в том числе и некроманту. И хорошо, что боги даровали людям способность забывать.

– Я не столь сурова, как братья, и дам тебе возможность меня переубедить. Боюсь, правда, что на самом деле это ты убедишься в моей правоте.

– Что вы хотите, чтобы я... Что я должна сделать?

– Грешника к очистительному костру провожает светлая жрица.

– Нет! – охнула я.

– А как же милосердие, о котором ты говорила? – сурово спросила она. – Лишь слова?

– Не только слова, но...

– Одно короткое словечко «но» способно перечеркнуть все сказанное до того. – Матушка помолчала, давая мне осмыслить сказанное, и повторила: – Перед тем, как загорится огонь, грешнику дают чашу последнего отпущения.

Я кивнула. А потом нужно остаться, пока не догорит костер, молясь за грешную душу.

– В чашу последнего отпущения добавляют яд. Быстрый, он подействует до того, как загорится костер. Казнь, милосердная и без кровопролития.

Я ошарашенно посмотрела на нее, и матушка Епифания добавила, мягко улыбнувшись:

– Так делается всегда.

– Я этого не знала... – пролепетала я.

– Зачем бы тебе было об этом знать? – пожала плечами она. – Многие знания – много печали. Мы все же служители света, и муки врагов не доставляют нам удовольствия. Но чернь жаждет отмщения, и она получает, что хочет, видя то, что хочет увидеть.

Ее лицо снова посуровело.

– Так вот. Дитрих отказался от исповеди и покаяния, и, значит, чаша последнего отпущения ему не достанется.

По спине пробежал озноб. Кажется, я начинала понимать, к чему она клонит.

– Хочешь быть милосердной – убеди его исповедоваться и покаяться до того, как взойдет на костер.

– Но он прогнал меня!

– Завтра будет другой день. Были случаи, когда грешники передумывали уже на эшафоте. Отсюда до площади правосудия четверть часа, ты пойдешь рядом с телегой. За этот долгий срок многое может случиться.

Долгий? Она шутит?

– Сумеешь убедить Дитриха раскаяться – убедишь и меня, что он заслуживает сострадания.

Не сумею – буду стоять рядом с костром до конца, зная, что можно было облегчить его муки, но я этого не сделала.

– Но я не... Я не умудренная жизнью проповедница! – Почему мне так страшно? Словно решается судьба не чужой, но моей души. – У меня нет ни красноречия, ни харизмы...

– Твоя юность и чистота куда убедительней любого красноречия. – Матушка поднялась. – И довольно об этом. Ступай.

Я склонилась к сухой руке. Пальцы матушки были холодными, и я невольно вспомнила другие – горячие и сильные.

Господь мой, вразуми и дай сил!

Следовало бы вернуться в свою келью, размышлять и молиться, но я еще не привыкла к ней и, едва шагнув на порог, попятилась. Стены словно сомкнулись вокруг меня, напомнив темный и сырой каменный мешок, даром что здесь света хватало. В обители оконца куда меньше – чтобы зимой легче было протопить помещения, но там моя келья казалась уютней. Здесь не сэкономили ни на дровах, ни на магии, ни на пространстве – целая комната для меня одной, настоящая роскошь! Однако сейчас я бы предпочла разделить ее с другими сестрами.

Так и не переступив через порог, я направилась к лестнице, что вела в сторожевую башню на крыше. Я уже была там один раз, и красота открывшегося вида захватила меня. Может быть, сейчас она поможет успокоиться, собрать разбегающиеся мысли?

– Не помешаю? – неуверенно спросила я, остановившись у входа в башню.

Светловолосый мужчина в облачении инквизитора обернулся.

– Нет, что ты, совсем наоборот.

Брат Михаэль был еще совсем молод, всего лет на пять старше меня, но успел снискать себе славу одаренного проповедника.

– Подойди, не смущайся.

Он приветливо улыбнулся мне. Я вспомнила случайно услышанный в трапезной разговор – дескать, брат Михаэль хорош не своим красноречием, а слащавым лицом, впечатляющим богатых вдовушек, которые потом щедро жертвуют храму.

Я прогнала из головы гадкую сплетню. Не было в облике брата ничего слащавого – просто милый и хорошо воспитанный парень.

– Я и не смущаюсь. – Я подошла к парапету, ограждавшему башню. – Как же красиво!

Главный храм Фейрита возвышался над всей столицей. Возможно, королевский дворец превосходил его высотой и богатством, но храм выстроили на холме. Отсюда, со смотровой башни, дворец, довлевший над окружающими его кварталами, казался ниже дома божьего.

И все равно он был прекрасен. Сейчас с высоты и издалека дворец выглядел не как твердыня, способная устоять против орды демонов, но изящным, словно сотканным из света видением. Такими же светлыми и изящными казались окружающие его кварталы.

– Красиво, – согласился брат Михаэль, подходя ко мне сзади и кладя руки на парапет по обе стороны от моей талии. – Отсюда не видно ни куч мусора, ни потоков и нечистот в бедных кварталах, ни площади Правосудия.

Напоминание о завтрашней казни заставило меня содрогнуться.

Или мне просто стало не по себе от позы брата, слишком напоминающей объятья? Наверняка он не имел в виду ничего дурного, но ни один мужчина никогда не оказывался так близко ко мне. Если не считать отца когда-то, в детстве.

И Дитриха сегодня. Да что же это такое, все мысли об одном!

– Зачем думать о нечистотах и казнях, когда можно подумать о красоте мира и величии господя, создавшего его?

Я попыталась отодвинуться, но руки по обе стороны от меня не шелохнулись. И попросить было неловко – ведь меня никто не касался и вроде бы ничего плохого не делал.

– Я предпочел бы подумать о чем-нибудь менее возвышенном, – рассмеялся брат Михаэль, и от его теплого смеха – а может, это был просто ветер, пронесшийся над крышей храма – по коже пробежались мурашки.

Его пальцы заправили мне за ухо растрепанную ветром прядь волос, скользнули вдоль шеи, заставив меня замереть.

– Например, о красоте юных дев.

– Что ты такое говоришь! – оцепенение, захватившее меня, развеялось, я развернулась, толкнув его в грудь.

Брат Михаэль отступил, примирительно выставив перед собой ладони.

– Я просто хотел сказать, что девичья краса, безусловно, тоже создание божие; как и город под нами, или солнце, или вон те горы. – Он с мягкой улыбкой указал на горизонт.

Устыдившись собственных дурных мыслей, я посмотрела туда и снова застыла от восторга. Солнце вызолотило снега на вершинах, а расстояние размыло очертания хребтов, превратив их в чарующее видение.

– Но если эти горы пребудут вечно, то девичья краса угасает слишком быстро, так что я предпочту любоваться ей, когда выдается возможность. – Он снова улыбнулся. – Спасибо, что развеяла мою скуку, сестра Эвелина.

– Скуку? – не поверила я. – Как можно скучать, когда кругом... вот это?

– Любой прекрасный вид приедается. – Он снова оперся о перила, в этот раз рядом со мной, а не вокруг меня. И снова вроде бы не касался, но был слишком близко. – Предполагается, что братья должны поочередно нести стражу на башне, но от кого тут сторожить, скажи на милость? Разве что увидеть пожар раньше остальных и послать служку к бодрствующим.

Бодрствующие были людьми короля. Они тушили пожары, а по ночам еще следили за порядком.

– Наверное, в этом есть какая-то польза, – продолжал брат Михаэль. – Все же мы должны служить людям и все такое...

Показалось мне, или в его голосе промелькнула насмешка? Наверное, показалось. Сегодня я вообще на удивление тугодумна. Неужели одна-единственная встреча со злом настолько выбила меня из колеи?

– Потому что храму от этих бдений никакой пользы. Пожар ему не угрожает, нападение тоже, а демонов, – он усмехнулся, точно сам не верил, что демоны способны напасть на храм верховного бога, – трудно не заметить.

При упоминании демонов красота города словно померкла.

– Ты уже слышал?

– О разрыве над Эзенфелсом? Да, конечно. Один из братьев не поленился забраться сюда, чтобы поделиться новостями. – Михаэль снова развернулся ко мне, взяв за плечо. – Но не бойся. Ни этому храму, ни этому городу, ни вам, сестрам, ничего не угрожает. Нас много, и мы сумеем защитить вас от демонов.

Я высвободила руку.

– Я не боюсь. Мне жаль погибших.

– Сегодня будет всеобщее бдение в молитвах за их души. Я там буду. Приходи и ты.

– Приду, – пообещала я прежде, чем вспомнила, что мне следовало бы обдумать завтрашний разговор. Впрочем, если уж в любом случае придется провести ночь в молитве, так лучше со всеми.

– Я буду рад снова тебя увидеть. А теперь беги, пока нас не застали здесь вдвоем.

– Но мы ничего плохого не делаем, – не поняла я.

Он улыбнулся так, что я почувствовала себя дурочкой.

– Те, кто то и дело сталкиваются со злом, начинают видеть его даже в самой невинной ситуации. Обжегшись на молоке, дуют на воду, сама понимаешь. До встречи вечером.

Вниз я слетела вприпрыжку – матушка Епифания часто ругала меня за неподобающую резвость: светлой сестре должно вести себя со спокойным достоинством. Не зря ругала: у подножия лестницы я едва не столкнулась с Первым братом.

Он вовсе не выглядел человеком, при одном имени которого трепетало полмира. Когда он приветствовал меня после приезда в храм, то вел себя мягко, точно дедушка, которого я не

помнила. Да и остальные братья-инквизиторы не походили на суровых стражей, живое воплощение карающей длани Фейнрита. Парни, немногим старше меня, веселые и разговорчивые; взрослые мужчины, мужчины в возрасте, которых язык бы не повернулся назвать стариками точно так же, как я никогда не назвала бы старухой матушку Епифанию.

– Сестра Эвелина, рад видеть. – Первый брат протянул мне руку. Склонившись, я коснулась губами камня в перстне. Вторая длань легла мне на макушку, благословляя. – Обживаешься у нас?

– Да, спасибо. Здесь все так добры ко мне.

Это было правдой: за несколько дней пребывания в храме я ни от кого дурного слова не услышала.

– Хорошо, я рад.

Он полуобернулся, прислушиваясь.

– Брат-констебль опять гоняет молодежь.

В самом деле, брат-констебль, казалось, готов был муштровать прочих братьев денно и нощно, заставляя тренировать боевые заклинания и приемы обращения с посохом – инквизиторам, как и нам, запрещено было проливать кровь.

– Пять дней назад его величество был у нас и застал эти занятия.

Пять дней! Мы разминулись всего на день! Ничего, раз король приходил посмотреть, как тренируются братья, значит, он здесь частый гость, который бывает не только с официальными визитами. Может, мне удастся увидеть его в другой раз.

– Он сказал, что приятно, когда свет истинной веры делает лики братьев прекрасными. Что радостно знать, сколько здоровых и сильных мужчин посвятили свою жизнь защите мира от демонов и прочего зла.

Я кивнула, не зная, что на это ответить. Впрочем, Первому брату и не нужен был мой ответ. Он потрепал меня по щеке и направился по своим делам.

Я посмотрела ему вслед.

Здоровых и сильных мужчин...

Мои мысли снова против моей воли вернулись к черному магу. Вряд ли он станет меня слушать сейчас, но я могу попробовать убедить его по-другому.

Глава 4

Заглянув в больницу при храме, я снова направилась в казематы.

Стражник уже сменился, к моей радости. Новый оказался раза в два старше меня, с открытым и веселым лицом.

– Не боишься, деточка, что некромант тебя сожрет и не подавится? – ухмыльнулся он, зажигая факел от жаровни.

Я вздернула подбородок, всем видом показывая, что бояться мне нечего.

– Ну, если что, стучись.

Стражник сунул факел в держатель на стене и закрыл дверь, снова оставив меня наедине с Дитрихом. Я облегченно выдохнула, поняв, что он все же натянул штаны. Видимо, немного пришел в себя, и разум прояснился.

– Снова ты, птичка? – Он поднял голову. – Вернулась еще раз полюбоваться моей задницей?

Я сглотнула. Когда я шла сюда, все казалось кристально ясным. Да, мне недостает ума, опыта и дара убеждения. Но дела говорят громче слов.

Те, кто часто сталкивается со злом, видят его везде. Как и те, кто творит его. Но, может быть, поняв, что я в самом не собираюсь выведывать его тайны или еще как-то вредить ему, черный поверит, что я и правда лишь пекусь о его душе. Сейчас он смотрит на меня, как на одну из сонма врагов, но, может быть, переменит мнение – и тогда мои слова прозвучат убедительней.

Я была так спокойна и уверена, когда шла сюда, но стоило черному открыть рот, и речь, тщательно подготовленная по дороге, мгновенно забылась.

– Жаль тебя разочаровывать, но даже ради твоих прекрасных глаз мне лень шевелиться и раздеваться снова.

Я вспыхнула, а он опять уронил голову на руки, повернувшись затылком ко мне.

– Не трать мое время, у меня его и без тебя осталось немного. Уходи.

Можно подумать, у него здесь, в камере, дел невпроворот, не знает, за какое хвататься. Я подавила неуместное раздражение, напомнив себе, что нельзя злиться на страждущих, пришедших за помощью.

– Меня зовут сестра Эвелина, и я здесь не для того чтобы...

Тьфу ты, чуть не брякнула «полюбоваться твоей задницей». Почему этот человек так действует на мой рассудок, он же не может дотянуться до магии!

– Дитрих, – сказал он, по-прежнему не поворачивая головы. – Если тебе не все равно.

– Рада познакомиться, Дитрих. – Я подошла ближе, поставив рядом с нарами корзинку, что до сих пор держала в руках. Тихонько звякнули склянки. Черный шевельнулся, будто хотел обернуться, но снова обмяк.

– Не могу сказать, что радость взаимна. Теперь, когда мы познакомились и поздоровались, пора прощаться.

Спина его выглядела куда хуже, чем совсем недавно – ожоги и раны воспалились и отекли, а жар, кажется, чувствовался даже на расстоянии.

– Я все-таки принесла отвар ивовой коры. – Голос не слушался, готовый вот-вот сорваться в рыдания. Нет, матушка Епифания не права. Даже если черный настолько погряз во зле, что отвергнет спасение души, это не значит, что он недостоин милосердия.

– Зачем? – глухо спросил он. – Не все ли равно?

– Мне – не все равно.

Он все-таки повернулся, смерил меня нечитаемым взглядом. Я смогла совладать с дыханием и продолжила:

– Позволь мне позаботиться о твоих ранах. Незачем терпеть боль, если можно ее избежать.

– А как же страдания, которые очищают душу?

Как он умудряется выворачивать все наизнанку? Зачем даже сейчас глумится над словом божьим?

– Чего ты больше хочешь – страданий, очищающих душу, или спокойно поспать?

– Разве я не должен провести эту ночь без сна, перебирая в памяти свои преступления и раскаиваясь в них? – ухмыльнулся он.

Мое терпение лопнуло.

– Я не играть словами сюда пришла! Подставляй спину. Или мне позвать стражника, чтобы он силой влил в тебя лекарство, а потом держал, пока я промываю и обрабатываю твои раны?

Не успела я договорить, как сама устыдилась своей вспышки. Не так подобает себя вести пресветлой сестре. Криком и угрозами не заставишь себе поверить.

Черный расхохотался.

– Да у птички есть коготки! Ты всегда так непреклонно причиняешь добро всем, кто не успеет увернуться, или я тебе особенно нравлюсь?

Я медленно выдохнула. Склонилась над корзинкой со снадобьями, чтобы скрыть лицо и сосчитать до десяти. Помогло так себе.

– Я отношусь к тебе ровно так, как светлым сестрам подобает относиться к тем, кому нужна помощь. Не разделяя чистых и нечистых. – Как могла спокойно произнесла я.

Напряжение все же прорвалось в голос, и черный наверняка это услышал, но, к радости моей, язвить не стал.

Я открыла склянку с водным раствором коричневых кристаллов, которые получают, сжигая водоросли. Вообще-то они почти не растворяются в воде, но для того и существует магия, чтобы изменять существующий порядок вещей.

Подумав об этом, я на миг испугалась – что если артефакты, подавляющие магию, испортят и снадобья? Но тут же сообразила, что блокируется не магия сама по себе, а возможность человека дотянуться к ней. Своего рода кандалы, мешающие поднять руки, но сама-то сила никуда не девается.

Я слышала, одно время хотели изготовить множество артефактов, подобных тем, что вмурованы в тюремную стену, и собрать их в сеть, чтобы накрыть весь мир и навсегда устранить саму возможность прорыва демонов. Вот только если бы этот план воплотили, вместе с демонами из мира навсегда исчезла бы и магия.

Но если разрывы станут открываться все чаще, на кону окажется само существование мира и человечества. Тогда жизнь без магии будет выглядеть не такой уж высокой ценой

– О чем задумалась, птичка? – поинтересовался черный, возвращая меня в реальность. – Решила поразмыслить, действительно ли мне нужна помощь? Вообще-то следовало бы сперва все обдумать прежде, чем спускаться сюда.

Я обругала себя. Нашла время размышлять о проблемах мироздания. Ладно бы от меня зависели судьбы этого мира, так нет же! Но все же ответила.

– О разрывах и демонах. Еще о том, сохранили ли снадобья магию.

Я оторвала кусок корпии и начала пропитывать его средством для обеззараживания ран. На очередной выпад в мой адрес не стоило обращать внимания. В конце концов, я сюда пришла не за славословиями.

Черный приподнял голову.

– А вот теперь ты сумела меня заинтересовать, – медленно проговорил он. – Если рассуждать абстрактно, любое зелье – смесь ингредиентов и магия. Точнее – материальный носитель и магия.

– Хочешь сказать, неважно в какой форме носитель? Что нет разницы между, скажем, серебряным амулетом и взвесью серебра в склянке? И то, и другое можно считать артефактом, независимо от первоначального предназначения?

Дитрих потер лоб.

– В грубом приближении – примерно так. На практике наверняка разница будет, но я не уверен, что сейчас осилю полноценные расчеты, тем более в уме. Однако если рассматривать зелье как артефакт, что сам по себе источает магию... – Он покачал головой. – Всегда любил нестандартные задачи и проверять теорию практикой. Моя спина в твоём распоряжении.

Теперь и мне стало интересно, подействует ли? Но проверить можно было только одним способом.

Я протянула черному склянку с ивовым отваром.

– Это от жара.

Приподнявшись на локте, он выпил ее махом. Скривился.

– Ну и гадость! Почему все лечебные зелья – удивительная гадость?

Я пожала плечами.

– Наверное, потому что лечение не должно быть приятным?

– Интересно, почему у вас, светлых, любое исцеление должно быть неприятным. Даже тела, про душу уж говорить нечего.

Я мысленно ругнулась – яда в этом человеке хватило бы чтобы отравить все колодцы столицы. А еще он явно куда больше меня поднаторел в разнообразных спорах, так что лучше бы мне помолчать немного.

Жестом велел ему снова лечь, я осторожно коснулась влажной корпией ожога. Темный вздрогнул, ткнулся лицом в согнутые руки. Я стиснула зубы, точно больно было мне самой. Нет, это никуда не годится. В конце концов, я видела и ожоги сильнее, и раны глубже, вот разве что в сочетании они мне еще не попадались, но это же не причина лишиться спокойной отстраненности, подобающей целительнице.

– Как ты оказалась посвященной Фейнрита? – спросил вдруг черный. – Родители пожадничали на приданое для младшей дочери?

– Ничего они не жадничали, – обиделась я, снова напивая корпию зельем. – У моих родителей хватило бы приданого на десяток дочерей. Стать светлой сестрой – великая честь!

Он засмеялся, резко оборвал смех, когда я снова коснулась его спины.

– Ну да, особенно когда в семье еще парочка девчонок, которых надо выдавать замуж. Но такую красотку взяли бы и без приданого.

– Я не хочу замуж, – ровным голосом произнесла я.

В самом деле, может, если бы я росла в семье, как другие девочки, сейчас бы мечтала о женихе... Да и хвала пресветлому, что мне выпал другой путь. Выдадут, на кого отец укажет, и моли богов, чтобы не совсем уж старый да противный!

Конечно, дети... Но ведь при храмах есть приюты, и я смогу растить детей и заботиться о них, пусть и не о собственных.

– В самом деле? Я слышал, все девочки хотят замуж.

– Не могу говорить за всех. Я – не хочу.

Помогать страждущим, нести исцеление и свет истинной веры – чем, в конце концов, этот путь хуже участи хранительницы домашнего очага?

– Неужели тебя никто не обнимал как следует? – не унимался Дитрих. – Не целовал так, что дыхание перехватывает?

– Твои вопросы неуместны. – Я хотела произнести это ледяным тоном, но румянец снова залил щеки, и ничего не получилось.

– Почему неуместны? Такая юная и такая красивая – парни должны бы к тебе липнуть почище комаров. Неужели на тебя никто не заглядывался, и никто не глянулся тебе?

Да что он несет!

– Грех лелеять дурные помыслы в отношении светлой жрицы!

– Думаешь, если мужчине сказать, что грех возжелать красивую девушку, он немедленно станет евнухом?

Какое-то время я могла только возмущенно хватать ртом воздух.

– Как ты смеешь! – выдохнула я наконец.

Дитрих расхохотался.

Горло сдавила обида. Захотелось скинуть все зелья в корзинку и уйти.

Нет. Когда речь идет о спасении души, не до моей гордыни. Хотя уже очевидно, что все зря. Я переоценила себя, и помочь ему не смогу. И, значит, завтра мне стоять рядом с костром, а потом всю оставшуюся жизнь думать, что надо было сделать или сказать по-другому, тогда он поверил бы мне. Избавил себя пусть не от смерти, но от боли, и, что куда хуже – от вечных мук. Что надо было сделать или сказать, чтобы эти муки навеки не остались на моей совести.

– Я больше не буду с тобой разговаривать, – сказала я, продолжая обмывать раны Дитриха и внимательно вглядываясь в них.

Неужели я ошиблась? Неужели здесь, в каменном мешке без магии, бессильны и зелья?

Нет, кажется, краснота потихоньку начинает уменьшаться, и борозды от кнута кажутся не такими глубокими, потому что спадает отек вокруг них.

Обрадовавшись, я сунула использованную корпию в принесенный для этого глиняный горшок, убрала отвар и достала мазь, которая ускоряла заживление ран. Снова склонилась над черным. Да, в самом деле снадобья действуют – он уже не вздрагивал от каждого прикосновения, и тело его не источало жар.

Может быть, его разум прояснится? Может быть, если я скажу ему прямо про яд в чаше последнего покаяния, он переменит решение?

– Что ж ты такая обидчивая, птичка? Ведь пресветлой сестре подобает смирение. – Голос его тоже изменился, стал звучным и вроде бы даже более бодрым. – Или ты такая же лицемерка, как все вы?

Я попыталась сосчитать до десяти и сбилась. Начала снова. И все же не выдержала.

– Что, не можешь достать тех, кто тебя пленил, и допрашивал, и отыгрываешься на мне? Воистину, великое деяние, требующее недюжинной доблести и отваги!

Он напрягся, точно взведенная пружина. Обрадовавшись, что мои слова попали в цель, я продолжала:

– Что ж, продолжай. Ты потренируешь умение сражаться с женщинами, а я – смирение, подобающее...

Я осеклась, увидев, что якобы безвольно повисшая со скамьи рука, лежит точнехонько в корзине, и пальцы темного сжимают склянку с зельем для промывания ран.

А в следующий миг меня ослепило сияние портала. Порыв ветра пронесся по камере. Дитрих взлетел с лавки стремительным сильным движением, отшвыривая меня в сторону. Я закричала. Дверь, распахнувшись, шарахнула об стену. Влетел стражник. Портал погас.

Глава 5

Вокруг меня сомкнулась темнота, и, если бы не отчаянная ругань стражника я решила бы, что уже умерла и оказалась в том вечном мраке, где души ждут суда Пресветлого, размышляя о своих грехах.

Потом глаза начали привыкать и различили свет, льющийся в дверной проем. Свет на миг заслонила широкоплечая фигура, потом он стал ярче. Стражник вернулся в камеру с новым факелом взамен погасшего. Дернул меня за плечо, точно куклу, отгаскивая в сторону. В который раз оглядел камеру, как будто Дитрих мог спрятаться за моей спиной, даром что некромант был на голову выше меня.

– Портал, – пролепетала я. – Он открыл портал.

Случившееся никак не укладывалось в голове. Как черный смог воспользоваться магией, будучи надежно отрезанным от нее?

Стражник выругался, выскочил в коридор. Я тоже двинулась было к двери, но она захлопнулась прямо перед моим носом, да так, что я едва успела отшатнуться, чтобы уберечь лицо от удара.

Проскрежетал засов.

– Эй! – крикнула я. – Ты про меня забыл!

Затарабанила в дверь со всей силы.

– Открой! Выпусти...

Я осеклась на полуслове, остановилась с занесенной рукой.

Стражник не забыл обо мне, взволнованный побегом некроманта. Он оставил меня здесь специально. Он решил, что я помогла Дитриху сбежать.

Грудь сдавило ледяным обручем, и я осела на подгибающихся ногах.

Вокруг было темно – хоть глаз выколи. Каменный пол показался ледяным, и сквозняк снова пробежал по плечу.

Нет. Братья разумны. Они поймут, что я тут ни при чем. Надо успокоиться, ведь невиновной нечего бояться. Успокоиться и подумать, как так могло получиться. Понять, ведь объяснение его загадочного исчезновения станет и моим оправданием.

Присев на корточки и ощупывая пол вокруг себя, я двинулась от двери к стене, у которой были нары. Пальцы наткнулись на корзинку со снадобьями, что я принесла. Я нащупала одну склянку, вслушалась в ощущения.

Ничего не получилось, мешал холод с пола, а еще казалось, будто стены вот-вот сомкнутся вокруг меня и раздавят. Я всхлипнула.

Нет. Нельзя. Рыдать буду потом, от облегчения; когда смогу доказать свою невиновность. Сейчас мне нужна трезвая голова.

– Господь наш Фейнрит, укрепи мой дух и проясни разум, – прошептала я.

Снова ощупала пространство перед собой. Лежанка до сих пор хранила тепло тела Дитриха.

Я взобралась на нее, поджав ноги. Стало чуть полегче, по крайней мере, холод больше не отвлекал. Пристроила на колени корзинку со снадобьями и снова нащупала пузырек. Сейчас темнота не мешала, а даже помогала мне, обостряя остальные чувства.

Я потянулась к своему дару. Ничего. Как и в первый раз, когда я попыталась исцелить узника магией, внутри словно открылся черный омут, водоворот, готовый утащить на дно любого.

Где-то я слышала, что, попав в водоворот, нельзя грести против течения. Надо позволить ему ухватить себя, вдохнуть побольше воздуха, и, двигаясь от центра, нащупать поток, который ведет прочь из опасной воронки. Одному пресветлому было известно, почему я запомнила это

– ведь и плавать-то не умела. Но сейчас я поступила именно так. Позволила этому черному водовороту ухватить свой разум, закружить, а пальцы тем временем нащупали другую склянку.

Магия. Тонкая едва ощутимая нить, даже не нить – паутинка. Если потянуться по ней, смотреть – хватит ли сил открыть портал?

Грохнула, распахиваясь, дверь, и я упустила нить. Сощурилась против света – какой яркий, оказывается, факел!

Брат-констебль схватил меня за шиворот, будто щенка, сдернул с нар, встряхивая.

– Что ты ему принесла! Кто тебя подговорил? Чем подкупили?

Вопросы сыпались один за другим, я не успевала бы на них ответить, даже если бы и попыталась – но я и пытаться не стала, потому что с каждым вопросом брат-констебль встряхивал меня так, что зубы клацали, и раскрывать рот было просто страшно.

– Успокойся, брат, – раздался знакомый, полный достоинства голос. – Сейчас все выясним.

Брат-констебль выпустил меня, и я едва удержалась на ногах. Проглотила ком в горле.

– Я ничего не сделала...

– Разберемся, – пообещал Первый брат. Но не успела я обрадоваться, как он кивнул кому-то за своей спиной.

– В допросную ее.

Колени подогнулись, я упала бы, если бы двое стражников не схватили меня за плечи и не поволокли прочь. Я едва успевала перебирать ногами. Внутренности превратились в трясущееся желе, а разум, кажется, вовсе меня покинул, «В допросную», – крутилось в голове.

В допросную.

Может быть, меня в самом деле лишь расспросят? Но почему нельзя было сделать это в камере?

– Эвелина, девочка, что случилось? – голос матушки Епифании разнесся в коридорах гулким эхом.

– Уйди, сестра. – сурово произнес Первый брат. – Расследовать и карать – наше дело.

Его слова словно развеяли паралич.

– Я ничего не сделала! – воскликнула я. Дернулась, пытаюсь высвободиться из рук стражников. – Я просто хотела помочь!

– Помочь черному магу? – поинтересовался Первый брат.

– Нет! – выпалила я прежде, чем успела обдумать, что говорить. Прикусила язык. Ведь на самом деле – да, именно черному магу я и хотела помочь. Неважно, что не в побеге, в котором пытались меня сейчас обвинить братья.

– Почему ты замолчала? – вкрадчиво спросил он.

– Я ни в чем не виновата!

– Тогда тебе нечего бояться, правда? – Он остановился в коридоре.

Стражники распахнули перед ним дверь. Первый брат вошел неторопливо, следом заволокли меня. В камеру... Нет, не камеру, это помещение было просторней и под потолком немедленно зажглись магические светильники, не то что в том каменном мешке, где держали Дитриха.

– Заблокировать ее, – велел Первый брат.

– Я не виновата! – повторила я, отчетливо понимая – бесполезно.

Меня подвели к наковальне у стены, незнакомый брат надел на мою руку металлический обруч с проушинами. Прежде, чем я успела опомниться, он просунул в проушину прут и взмахнул молотом. Я зажмурилась – показалось, что молот сейчас обрушится на мою кисть, но железо грохнуло о железо, а в моей груди снова раскрылся черный водоворот.

Магия. Они отобрали у меня магию. Пусть на время, но...

– За что? – выдохнула я. – Я не виновата!

– Тогда тебе нечего опасаться, – повторил Первый брат, усаживаясь на скамью. – Если ты действительно ни в чем не виновата, мы вернем тебе дар, как только все выясним.

Стражник вручил ему мою корзинку со снадобьями. Первый брат перебрал их одно за другим. Внимательно изучил корпию – и чистую, и использованные комки. Просмотрел на просвет склянки со снадобьями, нахмурился, увидев осадок в той, содержимое которой предназначалось для промывания ран и ожогов. Встряхнул – в почти прозрачной жидкости закрутились крупные кристаллы. Я уставилась на них, почти забыв о собственной беде – в самом деле, раствор должен быть темным и однородным, без осадка.

Первый брат тем временем капнул на палец остатки из пузырька с отваром ивовой коры, понюхал, лизнул, поморщившись. Проделал то же самое с мазью для умягчения ран, обтер рот и язык чистой корпией. Снова взял в руки склянку с настоем, изменившим свойства.

– Магия! – осенило меня. – Он вытянул из зелья магию, поэтому кристаллы осадились! – выпалила я прежде, чем подумала, что следовало бы придержать язык, пока меня не начнут расспрашивать.

– Что ты замолчала? Рассказывай дальше, – мягко сказал Первый брат.

– Он вытянул магию из снадобья, и этого хватило, чтобы открыть портал.

Первый брат опять взял в руки пузырек с мазью, покрутил так и этак.

– Давай начнем все с начала. Кто послал тебя к некроманту?

– Никто.

Он покачал головой, словно учитель, который не услышал правильного ответа.

– Ты уверена? Не стоит защищать человека, который сделал тебя своим орудием. Если мы не найдем его, вся тяжесть наказания обрушится на тебя.

– Но я ни в чем не виновата! – в который раз воскликнула я.

– Ты помогла бежать некроманту. На костер отправляли и за меньшее.

Меня затрясло.

– Я не помогала! Я просто хотела...

Я осеклась. Не помогала, но просто хотела помочь.

Матушка была права – то, что я считала состраданием, гордыня и ничего больше.

– Хотела – что? Рассказывай.

Я начала рассказывать, то и дело сбиваясь и оправдываясь. Сейчас вся затея выглядела безнадежно глупой. Глупой и самоуверенной.

Матушка была права, все мое якобы милосердие – не больше чем гордыня. С чего я взяла, что смогу преуспеть там, где отступились люди намного старше и опытные меня? Почему решила, будто к спасению можно притащить на аркане?

– А потом он открыл портал и ушел в него. Вот и все, – закончила я.

– Нет, не все. – в голосе Первого брата зазвенел металл. – Ты забыла рассказать, какой артефакт принесла некроманту, прикрыв лечебными снадобьями.

– Я не приносила никаких артефактов!

– Кто дал тебе этот артефакт, позволивший черному магу нейтрализовать защиту и дотянуться до своей магии? – продолжал Первый брат, словно не услышав меня.

– Не было никакого артефакта, – повторила я. – Он вытянул магию из зелья, вот же, у вас в руках доказательство! Магия, поддерживающая раствор исчезла, и кристаллы снова стали кристаллами! Ну, знаете, как если растворить соль в кипятке и остудить – она выпадет в...

– Вытянул? Из зелья? Которое ты принесла?

Я кивнула. В животе что-то мелко дрожало. Как ни крути, выходит, что я все же виновата – ведь если бы я не принесла снадобий, черному неоткуда было бы добыть магию.

– А где ты взяла снадобье? – спросил Первый брат, поднимаясь со стула и подходя ко мне.

– Сделала, как и всегда.

Все сестры делали и зачаровывали снадобья сами. Считалось, что мы всегда можем отправиться в странствие, где некому будет готовить зелья для нас, поэтому все должны уметь сами. А еще демоны могли убить зельевара, и как тогда справляться, не умея готовить зелья самим?

Травы мы собирали по очереди для всех – это было одним из послушаний, готовила каждая сестра для себя сама.

– Сделала. – Первый брат посмотрел на меня сверху вниз, и мне захотелось раствориться в камне, исчезнуть. – Сестра, которая еще вчера была послушницей...

И вовсе не вчера, а месяц назад! К тому же, все знают, что сила дара не зависит от давности посвящения. Да, случается, что Пресветлый, видя, сколь истово служение сестры, через годы одаривает ее своей благодатью, прибавляя сил – но это бывает так редко, что все эти сестры причислены к святым. Обычно сила дара понятно сразу. Не знаю уж, за какие заслуги господь не обделил меня редкими способностями.

Может быть, в этом и дело? Может, ослепленная своей силой, я поверила в собственную исключительность безо всяких на то оснований.

– Влила столько силы, что некроманту хватило открыть портал, – продолжал Первый брат. – Ты насмехаешься над нами.

Глава 6

– Я и не думала насмеяться, брат! – воскликнула я. – Правда, все так и было!

Он взял меня под локоть и повел к углу, в который я до сих пор старалась не смотреть. Туда, где через крюк в потолке тянулась веревка. На низком столе в бурых пятнах лежали странного вида инструменты – впрочем, трудно было не узнать клещи – а рядом стояла жаровня. Пока, по счастью, остывшая – но при одном взгляде на нее меня сначала бросило в жар, а потом затрясло в ознобе.

– Знаешь, как мы допрашиваем упорствующих, сестра? – притворно-добродушно спросил Первый брат.

– Да уж, видела результаты. – Я зажала руками рот, ловя вылетевшие слова, но было поздно. – Простите, я не хотела дерзить. Но мне нечего... – Голос сорвался. – Мне нечего рассказать, правда. Я просто хотела избавить его от боли, чтобы он мог прислушаться к увещаниям и спасти свою душу. Все так и было!

– Мое терпение лопнуло. – Первый брат сунул мне в руки склянку со снадобьем. – Сумеешь хотя бы зажечь светлячок – поверю, что все так и было. Ну!

Господи, помоги мне! Сейчас мне казалось, что я не сумела бы коснуться магии даже без блокирующего артефакта – ни одной мысли в голове не осталось, ни единого чувства, кроме страха.

Страха и обиды. Мне всю жизнь твердили, что посвященные Фейнрита – одна большая семья. Но разве в семье обвиняют, не разобравшись? Запугивают и карают за малейшую провинность?

Вслед за обидой пришла злость. Они думают, что я вру? Изворачиваюсь, чтобы увильнуть от наказания – и это при том, что я не сказала ни слова неправды? Так я докажу! Если некроманту удалось вытащить из моих снадобий достаточно магии, чтобы сотворить сложнейшее заклинание портала, то уж мне сам господь велел справиться с требованием, каким бы невозможным оно не выглядело.

Закрыв глаза, чтобы не видеть насмешки на лице Первого брата, я потянулась к дару и снова ухнула в тот черный водоворот, что открылся на месте средоточия магии. Позволила ухватить себя, закружить, как совсем недавно в камере. Вот оно, течение силы. Тонкое, едва заметное, если не искать, так и не увидишь. Слиться с ним, осторожно, не торопясь. Рывок!

Оказывается, силой тоже можно захлебнуться, и я уже не смогла собрать ее во что-то оформленное. Просто выпустила ее наружу.

Сквозь закрытые веки пробилось сияние, такое яркое, что мне захотелось зажмуриться. Я заставила себя открыть глаза – и сощурилась. Да уж, это не светлячок, это целый фонарь, в свете которого, казалось, можно было разглядеть каждую щель в каменной кладке.

– Вот видите! Я говорю правду! – воскликнула я. – Никто меня не подговаривал и не было никаких амулетов.

На лице Первого брата отразился... страх? Он схватил меня за руку с блокирующим браслетом, вытаращился на него, словно на гадюку, обвиняющую мое запястье. Я тоже посмотрела на него и оторопела так, что не удержала заклинание.

Яркий свет погас, но и в приглушенном было видно: толстую полосу железа изъела ржа, разрастаясь на глазах. Еще несколько мгновений – и браслет осыпался рыжей пылью.

– Кто готовил артефакт? – взревел Первый брат, вцепившись в мое запястье так, что я вскрикнула от боли.

– Я, – отозвался тот брат, что заковывал меня, и вид у него был ошарашенный. – Обычный артефакт, и делал обычно.

Он тоже схватил мою руку, разглядывая – как будто это могло вернуть блок на место.

– Я не...

«Я не хотела», – пыталась сказать я, но Первый брат оборвал меня на полуслове.

– Эту – в камеру. Другую, не ту, откуда сбежал черный. В той – проверить блокирующие артефакты. И если кто-то пронесет девчонке что угодно, где хоть крупица магии – даже в чаше отпущения, отправится на костер вместе с ней.

– Что? – выдохнула я.

– Ты продала душу Алайрусу в обмен на силу.

Обвинение было настолько нелепым, что я не смогла даже ответить – только вытаращилась на Первого брата, раскрыв рот. А он продолжал.

– Ты помогла сбежать некроманту, приговоренному к смерти.

– Я не...

– Ты сама призналась, что принесла ему зелья, из которых он добыл магию.

Я осеклась. В самом деле, ведь это я пришла к черному. Да, я вовсе не собиралась его освобождать, но в этом Первый брат прав.

Я помогла некроманту сбежать. И это не оставят безнаказанным.

И все же – костер?

Не самые грязные работы, не плети и даже не каторга с блокировкой магии до истечения срока наказания?

– Значит, займешь его место, – завершил Первый брат. Рванул с моей шеи амулет Фейнрита – цепочка больно рассадил кожу, так что я вскрикнула. Кивнул стражникам.

– Увести.

В камере, куда меня впахнули, даже было оконце. Под самым потолком, маленькое, кошке не пролезть, потому на него не стали тратить решетку. Я глянула на небо и поспешно отвернулась – закат окрасил его розовым, точно отблески костра, который мне предстоял.

Нет. Не буду думать об этом. И отчаиваться рано. В конце концов, еще должен состояться суд. Может быть, к тому времени гнев Первого брата утихнет. Вдруг судьи поверят, что я не хотела ничего плохого. Может, я смогу смягчить их искренним раскаянием – а я в самом деле раскаивалась. Да, мои намерения были чисты – но Фейнрит велел судить о дереве по плодам, а о людях – по деяниям. Некромант сбежал из-за меня, из-за меня снова будет твориться зло.

И если не врать самой себе, когда прошла первая оторопь, где-то в глубине души я обрадовалась, что мне не придется сопровождать к костру этого человека с насмешливым взглядом и злым языком.

Поймав себя на этой мысли, я испугалась. Осенила себя священным знаменем, торопливо прочла молитву.

Сопровождать его к костру не придется. Я сама на нем окажусь.

Нет. Рано отчаиваться. После суда приговор передают светским властям, лишь они вправе казнить и миловать. Были ли случаи, когда приговор не подтверждали? Я не знала, в селе, где стояла наша обитель, некромантов, кажется, не водилось. Была одна ведьма, которая уморила ребенка, принимая роды, но она сбежала, почував опасность, прежде чем братья пришли за ней.

Вдруг случится чудо и светские власти не подтвердят приговор? Пусть каторга, с каторги выходят, с костра...

Окошко погасло, камера погрузилась в темноту. Я проваливалась в сон, снова просыпалась. Крутила в голове одни и те же мысли, переходя от надежды к отчаянию, от молитвы – к проклятьям. Доставалось и моей глупой самоуверенности, и черному, из-за которого все и случилось, и Первому брату, осудившему меня.

Когда гнев иссякал вместе с силами, я снова засыпала и просыпалась резко, как от толчка. В какое-то из этих пробуждений пришел стражник, сунул мне кружку воды – оказывается, я

хотела пить – и, не проронив ни слова, исчез. Напившись, я обнаружила, что кусочек неба в окошке стал голубым.

Оказывается, здесь было холодно. Я взобралась на нары с ногами, стараясь не касаться стены, обхватила руками колени. Остался бы со мной дар, смогла бы согреться, пусть и сил бы на это потребовалось много, но к чему сейчас беречь силы? Однако артефакты, подавляющие силу, работали исправно, а у меня не было ничего, в чем оставалась бы хоть искра магии, чтобы проскользнуть вслед за ней к источнику.

Как будто если бы оставили магию, мне бы это помогло. Я не некромант, и не способна, призвав силу смерти, превратить камень стен в песок, которым он неминуемо когда-нибудь станет. Я не инквизитор и не знаю боевых заклинаний. Могу лишь призвать огонь, да что толку – обожгу одного стражника, прибежит еще дюжина вместе с братьями. К тому же, напав на охрану, я признаю, что виновна.

Все, что мне оставалось – сидеть и ждать своей судьбы.

Дверь снова распахнулась, впустив брата Михаэля.

– Здравствуй, сестра, – улыбнулся он мне так же тепло, как улыбался на верхушке сторожевой башни – как давно, кажется, это было!

– Здравствуй. – Несмотря ни на что я была рада ему, как была бы рада любому живому человеку, пришедшему меня проведать.

Или...

– Ты пришел меня проведать или принес вести?

– Проведать, – снова улыбнулся он, подходя ближе. – Ты скрасила мою скуку, и я подумал, что могу скрасить твое одиночество. Можно я сяду?

Я кивнула, отодвинулась на край нар, чтобы ему хватило место, но брат Михаэль сел совсем рядом, прижавшись своим бедром к моему. Я попробовала потесниться еще, но двигаться было некуда, только если встать... Но прежде, чем я начала подниматься, Михаэль обнял меня за талию.

– Что ты делаешь? – растерялась я. Попыталась оттолкнуть его, но свободной рукой он поймал мое запястье.

– Тебе говорили когда-нибудь, что ты очень красивая?

– О чем ты? – Я попыталась дернуться, но он крепко прижал меня к себе, не забывая удерживать и руку – так что и шелохнуться не получилось.

– Красивая, нежная, невинная... и все это не достанется никому, – продолжал он, заглядывая мне в лицо.

– О чем ты? – повторила я, по-прежнему не понимая. – Мы посвящаем себя Фейнриту, и обеты...

Он покачал головой, склонился к моему лицу.

– Неужели ты никогда не хотела узнать, что такое жар мужских объятий?

– Ты в своем уме? – Я снова попыталась вывернуться из его рук, и снова ничего не вышло.

Вот, значит, как он решил скрасить мое одиночество! Но какая-то часть меня никак не могла поверить в происходящее. Грязные вопросы черного возмутили меня – но чего ожидать от некроманта? Домогательства Михаэля словно превратили в ледяную статую – настолько неожиданны и неуместны они были.

– Уходи, брат. — Я очень старалась, чтобы голос прозвучал твердо, но так и не смогла справиться с оторопью, и это было слышно. – Уходи и не грши.

– Неужели ты в самом деле не хочешь хотя бы перед тем, как взойти на костер, узнать, что такое чувствовать мужчину внутри себя?

Костер! На несколько мгновений это слово заставило меня забыть даже о нежеланных объятиях. Костер. Значит, все решено. Чуда не будет.

Я застыла оглушенная, а Михаэль, видимо приняв мою растерянность за согласие, развернулся ко мне, схватил одной рукой за затылок, а другой – за грудь, так по-хозяйски, словно я уже принадлежала ему, и поцеловал.

Я опомнилась не сразу – никак не получалось поверить, что это происходит со мной. Язык пролез в мой рот, противно и скользко.

И это – поцелуй? То, от чего, как пишут в романах, которые послушницы тайком передавали друг другу, трепещет сердце и наливаются жаром ланиты? Если мое сердце и затрепетало, так только от отвращения.

Я стиснула зубы, Михаэль вскрикнул, отпрянув.

– Ненормальная!

– Пошел вон отсюда! – закричала я. Вскочила, шарахнулась в угол, подальше от него. – Убирайся, пока я не позвала стражу!

– Стража ничего не сделает, – ухмыльнулся он. – Они свою мзду получили.

Михаэль шагнул ближе ко мне, я попятилась, вжимаясь в стену. Мзду? Он заплатил, чтобы... чтобы... Купил меня, точно уличную девку? Меня, посвященную Фейнрита, свою сестру в господе?

Меня, пособницу некроманта, приговоренную к смерти.

Эта мысль опять оглушила меня. Подкосились ноги, и затошнило. Я опустила лицо, борясь с головокружением. Михаэль снова оказался рядом.

– Вижу, ты поняла. Будь ласковой, Эвелина, и я тоже буду ласковым. Говорят, близость смерти придает остроты ощущениям, эта ночь может стать самой приятной в твоей жизни. Или я буду груб, и тогда пеняй на себя.

Глава 7

– Ласковой? – вскинулась я. – А не шел бы ты...

Не знаю, откуда в моей памяти нашлись эти слова – те слова, за которые девочек-послушниц сестры шлепали по губам, а то и заставляли вымыть рот мылом. Но Михаэль лишь улыбнулся.

– А я всегда говорил, что в таких скромницах таится настоящая...

Конца фразы я не услышала. Взбешенная, я совсем забыла, что лишена магии и потянулась к ней. Черный водоворот увлек меня, затянув под воду, но мне было уже все равно. Если я и не вынырну, то тем лучше. Лучше умереть сейчас, чем дожидаться, пока меня возьмут силой – ведь я никак не могу себя защитить – а потом отправиться на костер.

Что-то больно и остро врезалась в ладонь. Запахло паленым, а потом в уши пробился крик, вышвыривая меня в реальность. Загремела, открываясь, дверь.

Я сжимала в кулаке медальон посвященного Фейнрита – разорванная цепочка выскользнула из ушка. Михаэль отлетел от меня на другой конец камеры, щеку его покрывали волдыри вперемешку со струпами – четким отпечатком ладони.

– Ведьма! – Закричал он.

– Господь дал мне силу защититься от тебя! – крикнула я в ответ. – Уходи!

Двое стражников подхватили меня под локти. Медальон зазвенел о пол: моя рука разжалась, когда до меня дошло, что я обожгла человека. Да, он мерзавец и греховодник, но... я сожгла ему половину лица едва ли не до кости. Меня затрясло.

– Успокойтесь, все! – неожиданно повелительный голос матушки Епифании заполнил камеру, так что даже стражники, кажется, вздрогнули. Она огляделась. – Ты, Михаэль. Подбери свой амулет и вон отсюда! Первый брат непременно узнает, при каких обстоятельствах ты получил этот ожог.

– Я пришел утешить, а она набросилась...

«Утешить». Я нервно хихикнула.

– Так же, как ты утешаешь вдовушек? Убирайся.

Михаэль испарился. Матушка сняла с шеи амулет посвященной, повернулась к стражникам.

– Оставьте нас с сестрой.

– Но матушка, что если она и на вас...

– Заберите медальон и оставьте нас, – повторила она.

Стражники – о чудо! – исчезли почти так же стремительно и безмолвно, как Михаэль. Закрылась дверь. Я бросилась матушке в объятия и разрыдалась.

Слезы лились градом, и я не пыталась их останавливать, пока поток не иссяк сам.

Оказывается, матушка Епифания что-то говорила.

– ...и вот до чего довела тебя гордыня. Желание доказать свою правоту. Кому ты что доказала?

Я всхлипнула в последний раз, вытерла слезы рукавом. Голова стала пустой и гулкой.

– Что толку сожалеть сейчас? Уже ничего не изменить. Власти подписали?

– Да. Я получила аудиенцию у его величества, он сказал, что отступники в лоне ордена – дело ордена, и он не станет оспаривать решение посвященных.

Вот, значит, как... Тогда надежды действительно нет.

– Но меня пугают твои речи, – продолжала она. – Неужели некромант настолько отравил твою душу?

– О чем вы, матушка?

– Что значит «поздно сожалеть»? Без раскаяния нет отпущения.

Отпущение, да... Надеяться поздно – хотя я по-прежнему всем существом своим надеялась на неведомое чудо. Но все же надо подумать и о душе. Жизнь коротка, а потом – вечность.

Как-то слабо это утешало. И все же я попыталась отринуть неуместные мысли. Опустилась на колени.

– Исповедуйте меня, матушка.

Пауза показалась слишком долгой. Я подняла взгляд и увидела на лице матушки смятение.

– Я здесь не как посвященная Фейнрита, а как женщина, которая тебя воспитывала.

– Но...

– Ты видела, я сняла свой амулет, символ принадлежности господу. Я здесь как частное лицо.

В который раз за этот безумный день я совершенно перестала что-либо понимать.

– Я прошу только об исповеди и отпущения. Почему вы отказываете в этом?

– Я не смогу дать тебе чашу отпущения. Первый брат запретил приносить тебе все, в чем есть хоть толика магии.

Это было настолько нелепо и несправедливо, что я вскочила.

– Значит, вы отказываете моей душе в спасении? Обрекаете ее на вечные муки? Только потому, что...

Она перебила меня:

– Не я, а ты сама погубила свою душу, связавшись с некромантом. Не я, а ты обрекла ее на вечные муки.

Я задохнулась от возмущения. Наверное, матушка была права – не хватало мне смирения, и сейчас не хватило.

– Но для того и существует таинство отпущения! Все мы грешны, но исповедь, покаяние и отпущение спасают, не вы ли учили меня этому! И... – До меня дошло кое-что еще. – Значит, и чашу последнего отпущения мне тоже не дадут? Только из страха, что я дотянусь до силы?

Матушка покачала головой.

Значит, меня ждет не просто смерть, а смерть мучительная? И на том свете не будет покоя?

Хотя нет, считается же, что огонь для того и нужен, чтобы отчистить от грехов. Кажется, я в самом деле начинаю повторять за черным. Удивительно, насколько одни и те же слова звучат по-разному в зависимости от того, по какую сторону от двери камеры ты остаешься после того, как она закрывается. И от того, с какого ракурса предстоит смотреть на костер.

– Значит, в угоду Первому брату вы лишаете меня покаяния? Отказываете в единственной оставшейся мне милости – быстрой смерти? Вы, кто всегда твердили мне, что долг превыше всего и...

– Опомнись! – Голос матушки Епифании похолодел. – Ты сама виновата во всем, что с тобой случилось, и вместо смиренной молитвы еще смеешь обвинять? Ты не единственная сестра под моим попечением, и я должна думать, как позаботиться о них. И мне еще объясняться с Первым братом, почему сестра, которую я так высоко ценила, за которую ручалась, помогла сбежать некроманту!

– Это Первый брат должен объясняться, почему в его храме стражники продают заключенных братьям за мзду, точно уличных девок! Это он должен объясняться, за то, что осудил невиновную!

Я не успела договорить, как дверь камеры распахнулась, явив Первого брата.

Значит, и в этом черный был прав – тайны исповеди в этом храме не существует.

– Как ты смеешь, мерзавка, обвинять честных...

От его голоса, под его гневным взглядом внутри меня все смерзлось. Захотелось упасть на колени и молить о прощении, я даже качнулась вперед. Но что-то внутри —наверное, все та

же гордыня, что погубила меня – заставила распрямить плечи и вскинуть голову. Мне нечего терять. Хуже уже не будет.

– Брат Михаэль сказал, что заплатил стражнику, чтобы он впустил его и закрыл глаза и уши, что бы ни происходило в этой камере. Разве я могу не верить словам моего брата? Разве он не честен?

– И вот эту змею вы пригрели на груди, матушка. – Первый брат сокрушенно покачал головой. – Пойдемте. – Он взял ее под локоть. – Я вас не виню, все мы совершаем ошибки.

– Только не всех за ошибки отправляют на костер! – выплюнула им вслед я.

Матушка Епифания вздохнула.

– Она обезумела. Моя вина – не следовало подпускать юную душу к средоточию зла.

– Похоже на то, – кивнул Первый брат. – Пришлите четырех крепких духом сестер присмотреть за ней. После того, что она сотворила с братом Михаэлем...

– Жаль, что я ухватила его за лицо, а не за другое место!

– И, пожалуй, не обойтись без кандалов, – закончил он.

Оба покачали головой, по очереди осенили меня священным знаменем. Закрылась дверь, и я опять осталась одна.

Вспышка ярости прошла так же внезапно, как накрыла. Я рухнула на нары, удивляясь самой себе. Куда делись мои кротость и послушание – в самом деле, как будто демон вселился.

Может, они правы? Может, зло действительно отравило мою душу? Я никогда бы не осмелилась спорить со старшими, а сейчас мой язык словно жил собственной жизнью. И ладно бы он помог мне оправдаться – только хуже сделала. Еще и закуют в кандалы, точно преступницу.

Кузнец – тот же, что надевал на меня артефакт, блокирующий магию, пришел в сопровождении двух крепких братьев. Как будто я в самом деле была опасна. Цепь, соединяющая ручные и ножные оковы, оказалась слишком короткой – не распрямиться во весь рост, не вытянуться лежа. Мне оставалось только сидеть или лежать, свернувшись калачиком и стараясь не шевелиться – при каждом движении грубые железные края ранили кожу. Впрочем, зачем мне было двигаться?

Четыре сестры, явившиеся вслед за кузнецом, были мне едва знакомы. На мое неуверенное приветствие не отреагировала ни одна, словно я была пустым местом. Сестры расселись на складных стульчиках по углам камеры и замерли, не сводя с меня взглядов. Как будто я была опаснее черного мага.

Эта мысль заставила меня горько усмехнуться. Что ж, меня хотя бы не пытали. Зато прислали приглядывать, хорошо хоть сестер, а не братьев. Я снова попыталась заговорить, и опять меня проигнорировали. Все, что мне оставалось – свернуться на нарах и молиться, испрашивая у Фейнрита смирения, которого мне недоставало.

То ли молитвы мои были недостаточно искренни, то ли они не достигли небес – но как я ни старалась, смириться не могла. Трудно смириться со страшной смертью в восемнадцать лет, и перспектива вечной жизни не утешала. Еще труднее оказалось смириться с несправедливостью.

Утро наступило слишком быстро. В который раз растворилась дверь, и те же два брата, что вчера сопровождали кузнеца, велели мне выходить. С первым же шагом я едва не свалилась, но упасть мне не дали, подхватили под руки, повлекли вперед. Можно было бы и ногами не перебирать, пусть волокут – но я заставила себя выпрямиться, насколько позволяла цепь, и шагать. Не знаю, почему мне было так важно это – чтобы меня не увидели раздавленной и сломленной, ведь на самом деле всем было наплевать. Взойду я на эшафот сама, или меня затащат, рыдающую и брыкающуюся, конец один.

С каждым шагом оковы врезались в лодыжки, но я согласилась бы идти так бесконечно – ведь боль означала, что я еще жива. Идти бесконечно, стереть ноги до костей, но жить.

И все же во мне, наверное, отыскалось то самое смирение, потому что сейчас мысли мои были заняты не жалостью к себе и не пустыми сожалениями. Я жадно впитывала краски, запахи, звуки. Как ярко, оказывается, светит рассветное солнце! Как звонко поют птицы! Какие милые котята спят под кустом, прижавшись друг к другу. Как вкусно пахнет свежим хлебом из храмовой кухни – несмотря ни на что, у меня подвело живот, ведь я постилась почти сутки.

Я потянулась к дару – после бесконечных дней, проведенных под воздействием подавляющих артефактов, все мое существо рвалось к нему, как рвется к воздуху человек, вынырнув из воды. Но едва я коснулась дара, меня словно ударили молотком по виску.

– Не рыпайся, – сказал один из братьев. – Хуже будет.

Значит, они решили, что люди надежнее артефактов. Или не захотели портить артефакты огнем. Оказывается, я не знала, как пламя действует на них. Странно, но этот вопрос на несколько мгновений показался мне очень важным, однако спрашивать было бесполезно. Сопровождавшие, за исключением брата, предупредившего, чтобы «не рыпалась», не удостоили меня ни словом.

Но если меня избавили от артефактов, может, расщедрятся и на последнее отпущение? Я не стала спрашивать, как не стала и тешить себя надеждой – не так горько будет разочаровываться.

Мне помогли взобраться в телегу, вокруг выстроились братья, и среди серых их ряса матушка Епифания в белом одеянии выделялась, точно белая голубица между сизых собратьев. За эту ночь матушка, казалось, состарилась лет на десять, а взгляд ее блуждал, то устремляясь к небу, то опускаясь к земле, но ни разу не остановился на мне. Я тоже не стала на нее смотреть. Может быть, вчера я действительно была безумна, но и сегодня не пожалела ни об одном сказанном слове, хотя едва ли решилась бы их повторить. Лучше смотреть в небо – пока его не затянет дымом, а потом мне станет ни до чего.

Глава 8

Четверть часа до площади Правосудия минули слишком скоро. Несмотря на ранний час, ее заполонил народ, и братьям пришлось раздвигать людей, чтобы проехала телега.

«Вон она, – раздался чей-то голос. – Ведьма!»

«А выглядит такой невинной»

«Брата уморила!»

«Притворялась посвященной сестрой!»

«Легла под некроманта!»

Я вспыхнула. Мало было клеветы, так еще и это. Попыталась высмотреть в толпе того, кто это сказал, но все лица слились в одно – любопытное, насмешливое. Зло в моем лице заслужило смерть, и люди ждали, когда меня настигнет справедливая кара.

Яблочный огрызок ударил в плечо. Я брезгливо смахнула его. Вчера белоснежное сегодня мое одеяние выглядело заношенным и помятым. Странно, что меня не облачили в серую хламиду смертника. Наверное специально, чтобы показать всем – никто не избегнет справедливого наказания, ни чужой, ни свой, точнее тот, кто был своим.

Страх все-таки накрыл меня, когда телега остановилась у помоста. Ноги подкосились, но мне снова не дали упасть.

Кузнец сбил оковы, меня втащили на помост, прикрутили к столбу, связав руки за спиной. Никто и словом не обмолвился про последнюю возможность исповедаться и покаяться.

Значит, все-таки быстрой смерти не будет. Но почему? Месть? В назидание другим сестрам? Или они – эта мысль едва не заставила меня рассмеяться – действительно пекутся о моей душе?

Глашатай начал зачитывать список моих преступлений. Оказывается, я не только помогла сбежать некроманту, но и много лет вредила ордену, притворяясь примерной сестрой. С первого дня в обители начала вредить, еще ребенком видимо, иначе откуда бы взялись те самые много лет?

– Неправда! – не выдержала я. – Все это неправда!

Меня не услышали.

Я еще раз посмотрела в толпу, надеясь увидеть хоть одно лицо, на котором было бы сочувствие. Тщетно. Подняла взгляд. В окнах домов, окружавших площадь, виднелись головы. И там все то же любопытство и предвкушение. Взгляд скользнул дальше

Ратуша! Столичная ратуша. Открытое окно, из которого свисал бархатный – то ли от страха, то ли благодаря дару мое зрение обострилось так, что я отчетливо видела – ковер с вышитым королевским гербом. И в окне – он. Король.

Всем существом своим, всей силой своего дара я потянулась туда. В висок словно врезался тупой камень, но мне было все равно.

Я видела короля так ясно, словно стояла в паре ярдов от него и знала, что сейчас он видит меня. Наши взгляды встретились.

– Отец! – закричала я, и усиленный даром голос полетел над площадью, заглушая глашатая и гул толпы. – Это я, Эвелина, твоя дочь! Я невиновна! Спаси меня!

Его лицо окаменело. А потом король встал, и, развернувшись ко мне спиной, ушел в глубину комнаты.

Еще один камень ударил мне в висок, отшвыривая обратно на эшафот, а следом раздался крик.

– Остановите ее! Поджигай!

Я пришла в себя. Нет, это не камень. Это инквизиторы пытались заблокировать мою магию – так же, как когда я потянулась к ней во дворе храма. Правда, похоже, получалось у них

так себе. Дюжина братьев, окруживших помост, как один обернулись ко мне, и все выглядели бледными. Кто-то склонился, сжимая виски, у одного шла носом кровь, еще двое хватались за соседей в поисках опоры. А первый брат смотрел так, будто вместо меня ему явилась орда демонов.

– Поджигай! – крикнул он.

На ладони палача появился язычок пламени, толпа загудела, но в гуле мне послышалось не радостное предвкушение, а ужас.

Или это меня придавил ужас – придавил в буквальном смысле, будто накрыл тяжеленным ватным одеялом и навалил сверху мешки с песком, под которыми не шелохнуться, не вдохнуть в полную силу.

Я хотела зажмуриться, но тело отказалось мне подчиняться. Стояла и смотрела, как в руках палача разгорается моя смерть.

Из помоста перед палачом выросла белая фигура. Я бы назвала ее призраком – но призракам вроде как полагалось быть прозрачными, а эта выглядела плотной, точно мраморная статуя. Точная копия палача.

Он отшатнулся, а на голове призрака истаял капюшон, обнажив лицо. Довольно приятное мужское лицо. Палач попятился, осеняя себя священным знамением, огонь на его ладони погас.

Толпа завывала в ужасе, но я смотрела не на нее – только на две фигуры на эшафоте. Палач сотворил священное знамение на своего двойника. Призрак рассмеялся – жестко и жутко, а в следующий миг я вскрикнула вместе со всеми – с лица его клочьями поползла плоть, обнажая провалы глазниц и оскал черепа. Ошметки призрачной плоти продолжали сползать – открылся хребет, ребра и кости рук, таз, и, наконец, голый скелет стоял перед палачом, зло и безжалостно хохоча таким знакомым смехом – но в смятении, охватившем меня, я никак не могла вспомнить, где слышала этот смех.

Палач, дрожа, продолжал пятиться. Скелет сложился, рассыпался прахом, который унес порыв ветра. Человек, достигнув края эшафота, оступился, завопив, рухнул вниз, и я потеряла его из виду.

– Некромант! – Хорошо поставленный голос Первого брата перекрыл вой толпы.

В следующий миг еще один призрак вырос перед ним. Окинул своего двойника мудрым и суровым взглядом и изрек:

– Твои чресла бесплодны.

Чресла? Братья же дают обет безбрачия... Несмотря на ужас, творящийся вокруг, я едва не рассмеялась сама над собой. После того, что пытался сделать со мной Михаэль, должна была бы понять истинную цену тех обетов. И призрак словно услышал меня.

– Ты попрал обеты, надеясь оставить наследника, но лишь зря обрек свою душу на вечные муки. Никого не останется в этом мире после тебя.

Первый брат отшатнулся. Рука его взметнулась было в священном знамении, но в следующий миг он овладел собой. Выпрямился, отворачиваясь от призрака.

– Здесь некромант! Найдите его!

Но братьям, кажется, стало не до него. Десятки призраков появились перед ними, десятки разных лиц. Каждый что-то вещал, и этот мерный гул заглушил даже паникующую толпу.

– Умрешь в одиночестве, – раздалось совсем рядом со мной. Я повернула голову. Матушка Епифания, держась за сердце, смотрела на призрачную сестру, продолжавшую: – Никто не будет плакать о тебе.

Что ответила матушка и ответила ли, я не услышала, потому что и передо мной возникла девушка с белой мраморной кожей и белыми же волосами. Я больше удивилась не ее появлению, а тому, насколько прекрасным и нежным было ее лицо.

– Все отвернутся от тебя, – сообщила она мне.

Сердце замерло, словно сжатое огромным кулаком, упало ледяным комом куда-то к пупку. Я судорожно схватила ртом воздух, осознав, что происходит.

Кто бы ни призвал этих призраков, они выуживали из души каждого самый потаенный, самый настоящий страх.

«Все отвернутся от тебя».

Я расхохоталась. Громко, неудержимо. Смеялась и не могла остановиться. Самое страшное уже случилось. А я жива.

Пока жива.

– Некромант пришел за ней! – завизжала Епифания, наставив на меня костлявый палец. – Найдите его!

Ну-ну, пусть поищут. Я злорадно усмехнулась. В толпе людей, в окружении домов, в любом окне, на любой крыше которых мог бы быть некромант. Если бы по магии можно было отследить сотворившего – может и вышло бы что-то, а так – иголка в стоге сена.

Но неужели он пришел за мной?

Нет, вряд ли. Кто бы ни затеял это безумие – явно не Дитрих и не ради меня. Никто не станет рисковать головой ради случайной знакомой.

Иначе как безумием происходящее нельзя было назвать. Толпа, поначалу казавшаяся бурой и однородной, побелела от бесчисленного числа призраков. Многоголосый вой, в котором уже нельзя было угадать ничего человеческого, летел над площадью, отражался от стен домов и возвращался жутким эхом. Люди побежали, но в таком скоплении народа бежать было некуда. Вопли становились все громче – началась давка. Кто-то, обезумев, ломанулся к эшафоту, и инквизиторам, окружившим его, стало не до некроманта – выставив щиты, они пытались сдерживать напор.

Опомнившись, я задергалась. Кто бы ни затеял это безумие, какие бы цели он ни преследовал, я буду полной дурой, если не попытаюсь сбежать. Преступница я или нет, сгубила ли душу навсегда или есть еще возможность вымолить у бога прощение, какова бы я ни была, я хотела жить.

Веревки впились в мои запястья. Я закрыла глаза и постаралась сосредоточиться, призывая огонь. Зашипела, когда пламя обожгло руки. Ничего. Это все же не костер. Немного потерпеть...

– Ты! – воскликнул Первый брат, вспомнив обо мне. – Все из-за тебя!

Лицо его исказилось ненавистью. С рук слетел сгусток пламени, устремился ко мне.

Я рванулась. Веревка лопнула, напоследок ободрав ожог на запястье, кажется, до самой кости. Я пошатнулась, но все же смогла восстановить равновесие, выставила перед собой ладони, уплотняя воздух, собирая щит – пожалуй, единственное известное мне боевое заклинание.

Огонь расплескался по невидимой поверхности, я вскрикнула от жара, но удержала заклинание. Пламя стекло на бревна под моими ногами, они занялись. Я выпустила щит, и освободившийся воздух сдул пламя.

Первый брат качнулся ко мне. Следовало бежать, но ноги все еще опутывала веревка. Чтобы высвободиться, надо было нагнуться, а это означало отвести взгляд от инквизитора. Даром что я понимала: мне с ним не тягаться, в лучшем случае отсрочу конец на несколько мгновений.

Из-за края помоста появился алый капюшон. Палач протянул руку, схватив Первого брата за лодыжку. Тот глянул вниз сперва недоуменно, дернулся. Лицо его исказилось болью. Палач продолжал тянуть его, и Первый брат с криком упал. Что-то хрустнуло. Инквизитор лягнулся, попав точно в капюшон, голова палача мотнулась, но хватка не разжалась – он неумолимо продолжал тащить Первого брата с помоста.

Инквизитор выхватил меч, рубанул палача по запястью. Я зажмурилась, ожидая крика, и крик раздался – но не боли, а ужаса.

Я снова открыла глаза и онемела от страха. Первый брат, полусидя, полз по эшафоту, отталкиваясь одной ногой, а палач вскарабкивался на помост, опираясь на здоровую руку и обрубок. Кровь пятнала доски, но лилась она вовсе не так, как должна бы течь из перерезанных артерий, а как стекает с подвешенной мясной туши.

Первый брат, привстав на одно колено, бросил заклинание. Палач объяло пламя, но он не издал ни крика, ни вздоха.

Живой человек не может вытерпеть такое! Вот только палач уже не был живым. На теле его не я не заметила повреждений, кроме отрубленной руки. Может, разбил голову, падая с эшафота, а красная ткань капюшона скрыла кровь, а может, не выдержало сердце.

Инквизитор снова взмахнул мечом. Голова палача слетела с плеч, покатила по помосту к моим ногам. Я взвизгнула, подняла взгляд и заверещала как ненормальная, потому что обезглавленное тело продолжало надвигаться на Первого брата. К чести того, он не отступил. Еще один удар, подсекший колени. Труп не остановился, попытался подтянуться на оставшейся руке, и лишь когда меч с хрустом перерубил и ее затих.

Первый брат тяжело осел, лицо его стало таким же серым, как мантия. Он накрыл ладонями лодыжку, собирая заклинание.

Надо было пользоваться моментом, пережигать путы на ногах и бежать. Но, начав наклоняться, я бросила взгляд на площадь и застыла.

Глава 9

Пространство вокруг эшафота, да и весь центр площади обезлюдел, зато у краев ее, там, откуда отходили улочки, толпился народ, и вопли, доносившиеся оттуда, заставили меня похолодеть. Зазвенело стекло, еще одно, люди облепили стену, как муравьи, по головам друг друга карабкаясь в окна.

Мертвые тела, усеявшие брусчатку площади, поднимались и шагали к эшафоту одно за другим. Братья-инквизиторы, прижавшись спиной к помосту, творили заклинания, пытаюсь остановить восставших покойников, но то, что убило бы человека на месте, труп в лучшем случае отбрасывало. Мертвецы шли целеустремленно и непреклонно, как сама смерть.

Неужели это за мной? Неужели все эти люди погибли из-за меня?

Точно отвечая на мой невысказанный вопрос, над эшафотом заблестело зеркало портала. Гладь колыхнулась, выпуская высокую фигуру в черном камзоле.

– Чего застыла? – поинтересовался Дитрих таким тоном, словно мы гуляли в саду, и я засмотрелась на цветочки. – Убирай веревку, и рвем когти, пока подмога не прибежала.

Он не стал дожидаться, пока я опомнюсь, сотворил заклинание. Веревка рассыпалась прахом.

Я шагнула с так и незагоревшегося костра, медленно, от растерянности почти не чувствуя собственного тела.

Инквизиторы у помоста продолжали сражаться с мертвецами, и преимущество было явно не на стороне братьев.

Первый брат, который до сих пор, казалось, был занят исключительно собственной лодыжкой и о ком я совершенно забыла, поднялся на ноги одним гибким, почти юношеским движением. Бросил в Дитриха заклинание. Я не успела разглядеть какое – лишь услышала свист воздуха.

Некромант, не особо мудрствуя, присел, перекатился. Заклинание пронеслось над ним, выбило щепу из костра рядом со мной. Дитрих распрямылся стремительно, словно сжатая пружина, выхватил из ножен на поясе кинжал, вонзил его в шею Первого брата.

Я застыла, закрыв рот ладонью – да, у меня не было причин любить инквизитора, но до сегодняшнего дня я ни разу не видела смерть – к агонизирующим больным послушниц и недавно посвященных сестер вроде меня не подпускали.

Некромант одним сильным толчком сбросил Первого брата с помоста и усмехнулся.

– Воины света. Без магии шага ступить не можете.

Он снова развернулся ко мне, а в следующий миг и без того безумные события превратились в сущий ад.

Небеса разверзлись. Разверзлись в прямом смысле. Все пространство между крышами домов заняла огромная прореха с неровными краями, засияла зеркалом портала. Зато портал, построенный Дитрихом погас.

Безумный, неопишуемый человеческим языком вой обрушился на площадь. Вой, от которого я присела, закрыв ладонями уши, но это не помогло. Звук, казалось, ввинчивался прямо в мозг, проникал в тело, заставлял дребезжать каждую косточку, каждую жилку. Он лишал сил, наполняя отчаянием и страхом, хотя куда уж страшнее может быть?

– Демоны! – закричал кто-то. – Черный призвал демонов!

Я с ужасом уставилась на Дитриха. Наверное, надо было благодарить его за спасение и радоваться, но мне не хотелось радоваться, хотелось схватить его за грудки, встряхнуть, закричать в лицо, что это неправильно, что так нельзя! Как бы мне ни хотелось жить, выпустить демонов на ни в чем не повинных людей – это слишком даже для черного мага! Я не хочу, не

могу допустить, чтобы меня спасали такой ценой – моей совести с лихвой хватит тех смертей, что уже произошли.

Но Дитрих тоже смотрел в небо, и выражение лица его было... непередаваемым. Он перевел взгляд на меня.

Я не услышала слов за воем, лишь увидела, как шевельнулись губы.

– Это не я.

Глупо, но я поверила ему. Снова посмотрела наверх, где из продранного неба посыпались твари. И я поняла, почему ни в одном рассказе, ни в одной летописи мне не встретилось подробное описание демонов – лишь фразы, что были они ужасны.

Они действительно были ужасны. Тошнотворны. Точно какой-то безумный маг, возомнив себя богом, способным творить живое, сунул в чудовищную реторту головы, конечности, туловища всех известных тварей и перемешал их. Утиный клюв на козлиной голове, приделанной к кошачьему телу с бобриним хвостом. Скорпионье жало на лбу орла с крокодильим туловом. И многие, многие другие. Зубы. Рога. Когти. Никакой чудовищной фантазии не хватило бы, чтобы придумать этакое. Как и не хватало слов, чтобы описать.

И они разумны? Ведь для того, чтобы вселяться в людей и управлять ими, нужен разум. Нет, я не хочу проверять это.

Демоны закружились над площадью чудовищным вихрем, устремились к людям. Вот один коснулся человека и исчез, а человек вцепился в горло бедолаги, оказавшегося рядом. Вот двое демонов просто разорвали другого несчастного пополам.

Впившись зубами в кулак, чтобы не закричать, я наблюдала, как две таких твари скользнули в окно ратуши, откуда до сих пор свисал ковер с королевским гербом.

Кто-то обхватил меня вокруг талии, притискивая спиной к крепкому телу. Я дернулась, но тут же перестала вырываться, поняв, что это Дитрих, вцепилась в его жилистое запястье, словно некромант был единственной моей опорой в творившемся вокруг безумии.

Мертвяки оставили в покое недобитых инквизиторов и начали карабкаться на помост, окружая нас с Дитрихом плотным строем. Меня затрясло, всем телом я прижалась к единственному живому, что остался рядом. Дитрих по-прежнему обнимал меня. Сейчас от него не исходил болезненный жар – обычное человеческое тепло, и странным образом это тепло успокаивало. Вселяло уверенность.

– Убейте черного! – придушенно воскликнул голос, в котором я узнала Первого брата.

– Вот же живучий, зараза, – удивленно протянул Дитрих.

И в самом деле, в просветы между телами мертвецов я увидела над помостом инквизитора. На шее алел свежий рубец. Рядом маячило белое одеяние сестры Епифании. Вот, значит, какое чудо его спасло.

Инквизиторы затоптались на месте. Мертвецы выстроились вокруг нас в два ряда, и, пожалуй, надо было быть самоубийцей, чтобы попытаться достать некроманта.

– Убейте! – не унимался Первый брат. – Это он призвал демонов!

– Защищайте людей, идиоты! – закричал в ответ Дитрих. – Пока не подтянулись ваши братья и люди короля – защищайте людей! Светлые вы или кто?

Братья переглянулись.

– Черный прав. – Неизвестный мне мужчина, на вид ровесник Первого брата, положил ладонь ему на плечо и веско добавил: – Прежде всего люди.

Первый брат выругался, но тут сразу полдюжины демонов метнулись к нам. Взвихрилась магия, сплетая стихии, заклинания сменяли друг друга стремительно, но и твари умели творить магию. От вспышек рябило в глазах, рев огня и свист воздуха заглушали даже вой демонов, меня бросало то в холод, то в жар, и, если бы не уверенная рука Дитриха, по-прежнему лежащая на моей талии, я или свалилась бы в обморок, или бежала бы без оглядки прямо в лапы демонам

– как те люди на краях площади, где была настоящая бойня. А так я даже набралась смелости и спросила:

– Разве мы не вмешаемся?

– Мы? – Его смехок отдался вибрацией в моей груди. – Ты умеешь творить боевые заклятия, птичка?

– Нет, но... – Я обернулась, попытавшись заглянуть ему в лицо, но он стоял слишком близко.

Я могла бы помочь раненым. Поддерживать сражающихся, вливая в них силу. Да, братья приговорили меня к смерти, но сейчас только они стояли между демонами и беззащитными людьми.

– Тогда оставь суровым сильным братьям их работу. А мы попробуем проверить одну теорию.

Теорию?

– Ты бессмертный? Нашел время!

Дитрих снова рассмеялся.

– Я же некромант. Смерть – моя стихия и моя сила. А ты – светлая, та, что несет жизнь...

– Свободной рукой он взял мою, переплетая пальцы. Жест этот оказался таким неожиданно нежным, таким личным – и таким неуместным посреди того, что творилось вокруг, что я залилась краской и вместо того, чтобы вырваться, лишь спросила:

– Что ты делаешь?

– Пытаюсь закрыть разрыв.

Он поднял наши все еще сплетенные руки, направляя к небу.

– Но разрыв нельзя...

Разрыв нельзя закрыть, можно лишь дожидаться, когда он закроется сам. Иначе демоны не были бы столь опасны. Их можно убить, и даже необязательно магией – основатель одного из влиятельнейших ныне родов полтора века назад получил титул, когда спас своего господина, наколов на вилы демонов, что ему угрожали.

Но когда на смену убитому демону приходит полдюжины других, а сменить людей некому, рано или поздно падет последний защитник. За стенами не отсидеться – сейчас демоны не крушили здания лишь потому, что на площади им хватало добычи. Но разделившись с зеваками и с нами, они устремятся в город, а разрыв будет выплевывать все новых и новых тварей.

Пока не закроется, может, через четверть часа, а может, через сутки.

– Вот и проверим, действительно ли нельзя, – усмехнулся Дитрих и вдруг погладил большим пальцем мое запястье, совсем рядом с ожогом, но все же не задев его. – Давай, птичка. Отпусти магию.

– То есть? – Я снова попыталась заглянуть ему в лицо, и снова ничего не получилось.

– Просто пропусти силу через пальцы. Не пытайся как-то ее оформить, не думай, не теряй время. Жесты тоже не нужны, и голос. Только ментальный компонент. Просто выпусти силу.

Его голос звучал мягко и уверенно. Спокойно, точно не выли вокруг демоны, не кричали люди, не гудел воздух от боевых заклятий.

И я подчинилась этой спокойной уверенности. Прикрыла глаза, чтобы сосредоточиться, точно совсем юная послушница, что едва начала учиться. Потянулась к силе, выпуская ее. Магия устремилась потоком, почти так же, как в казематах, когда я проломила блокирующий артефакт, сама не поняв того. Но сейчас этот поток ощущался не селем, сметающим все вокруг, но величественной рекой, что несет корабли и крутит колеса мельниц. Никогда я не чувствовала магию столь полно.

Я раскрыла глаза и удивленно ахнула. С наших сплетенных пальцев слетали черные и белые струи силы, свивались в причудливые узоры, отливая уже не черным и белым, а всеми цветами радуги, точно мыльный пузырь на солнце.

Магия ударила в самый центр чудовищной дыры, и та – о, чудо! – начала стягиваться. Вот появился краешек синего неба, вот его все больше и больше, вот разрыв стал размером с обычный портал... а потом исчез совсем. Просто исчез, без хлопка, вспышки или чего-то еще. Осталось лишь синее, залитое солнцем небо.

– Получилось, – ошарашенно выдохнула я.

– Получилось! – воскликнул Дитрих.

А в следующий момент закричала уже я, потому что сверху на нас спикировала очередная тварь. Дитрих выпустил меня, вскинул и резко опустил руку. Тварь ударило о помост совсем рядом с нами. Мертвецы, нарушив строй, ринулись на нее, и через несколько мгновений от демона остались лишь ошметки, тут же истаявшие, словно их и не было.

– А теперь рвем когти! – Дитрих снова схватил меня за руку и поволок прочь с помоста.

– А демоны? В смысле, люди?

– До королевского дворца четверть часа. До вашего храма столько же. Братья сейчас будут здесь – вот пусть и покажут, что действительно способны на что-то, кроме как тащить на костер девчонок. Бежим, пока они не опомнились!

Глава 10

Мертвецы расступились, пропуская нас, и снова сдвинулись. Так что со стороны не было видно, остался ли кто внутри жуткого строя.

Не знаю, насколько необходимой была эта предосторожность. Закрывшийся разрыв лишь разъярил демонов. Или мне это лишь казалось – но выглядело все так, будто они оставили в покое обычных людей и обратили все свое внимание на инквизиторов.

– Не используй магию. – Дитрих спрыгнул с помоста. – Демоны почуют и набросятся.

– Почему? – любопытствовала я, опираясь на его руку. Сильную и надежную, мне захотелось вцепиться в нее, будто малышке, и не отпускать, и я поспешно разжала пальцы, отстраняясь.

– Маги сильнее. Вкуснее. Сытнее. И вселиться в мага интересней – у него больше возможностей чем у, скажем, скотника, который только и делает, что всем кланяется.

Он взялся за мое запястье, потянув за собой. Я вскрикнула. Дитрих выпустил мою руку, взглянул на нее, и на лице его заиграли желваки.

– Это я сама, – зачем-то пояснила я, оправдывая не то братьев, не то себя. – Вережки жгла и промахнулась.

Он покачал головой. Остановившись, накрыл мои ожоги ладонью, не касаясь их; потянулся к магии, противореча собственным словам.

– Но... – начала было я и озадаченно выдернула руку. Ожоги перестали болеть, и на месте волдырей остались сухие струпья.

– Я не вылечил, – сказал Дитрих, снова увлекая меня вперед. – Просто обезболит и помог окончательно отмереть тем тканям, которые все равно погибли бы в ближайшее время.

Я кивнула.

– Спасибо.

Обезболит – уже хорошо, я не умела снимать боль магией, только маковым настоем. И еще лучше, что Дитрих отграничил омертвление, это поможет быстрее восстановиться тому, что способно восстановиться. Надо только добавить снадобий – сам себя вылечить мало кто способен.

И все же...

– Ты сказал...

Я осеклась.

Снова противореча собственным словам, Дитрих поднял мертвеца и отправил его к строю других на эшафоте.

– Я такой же, как они. – Он указал в небо. – Не заметят. Это вы сейчас белые вороны. – Дитрих хмыкнул. – Во всех смыслах.

Он огляделся, сдернул с очередного поднявшегося мертвеца плащ, протянул мне.

– Надень. Твоя белая хламида сияет почище солнца.

На самом деле одеяние мое давно стало серым, но даже если бы оно оставалось белоснежным, я бы не согласилась...

Я остановилась. Попятилась. Точнее попыталась попятиться, потому что руку мою по-прежнему держал Дитрих.

– Нет.

– Не дури, сейчас остановят демонов и вспомнят о тебе. Хочешь, чтобы любой прохожий указал, куда ты побежала?

Я затрясла головой.

– Не могу.

– Что за глупости?

– Это с мертвого. Я не могу.

Дитрих ругнулся, осекся на полуслове.

– Есть плоть мертвых животных ты можешь. Носить кожу мертвых животных на ногах, – он глянул на мои мягкие туфли, – и шкуры мертвых животных в мороз ты тоже не против. Тогда почему нельзя надеть плащ с мертвого человека?

– Это другое!

– По мне, так то же самое.

Удивительно, но даже продолжая препираться, он неуклонно тащил меня за собой, все дальше и дальше от эшафота, а за нашими спинами вырастали, заслоняя нас, мертвецы.

– Не могу! – в отчаянии воскликнула я. Меня переворачивало от одной мысли, что этот плащ еще хранил тепло хозяина. Того, кто сейчас стоял позади нас в жутком подобии жизни. – Если я так заметна, почему бы нам не уйти порталом!

– Хорошо, – Дитрих остановился. – Создавай портал.

Я растерялась.

– Но... я не умею...

– А у меня не хватит сил. Здесь, конечно, – он обвел рукой площадь, – все пропитано смертью, но я и потратил слишком много.

Да, он был прав. Сила везде, но способность тела пропускать ее конечна. В чайную чашку не влить даже ведра, не говоря уж о реке. Собственно, способностью пропускать и направлять магию и определялась сила дара.

– Так что решай. Препираться, пока твои добрые братья не отвлекутся от демонов и не обнаружат...

– Уходят! – раздалось от эшафота. – Держи!

– Обнаружили, – флегматично заметил Дитрих. Повел рукой, и все поднятые им мертвецы спрыгнули с эшафота, выстроились, преграждая дорогу братьям-инквизиторам. – Как думаешь, кого я, воплощение зла, буду спасать в первую очередь, тебя или себя? Ну?

Зажмурившись, я кивнула. Вздогнула, когда плащ опустился на плечи.

– Держи его и – бегом! – велел Дитрих.

Я жала в горсти под подбородком ткань плаща и понеслась за Дитрихом. Он потащил меня не к проулку, сейчас напрочь перегородженному людьми, что все еще пытались спастись от демонов, загнав себя в смертельную ловушку, а к стене дома. Под ней лежали тела, живых уже не осталось. Кто мог, прошел через выбитые окна, остальные остались там, где с чудовищным стоном колыхалась на выходах с площади толпа, не в силах сдвинуться ни туда, ни сюда.

Некромант повел рукой, отбрасывая от стены мертвых. Я вскрикнула.

– Никто их силой не тащил любоваться казнью, – рыкнул Дитрих, магией выбил из рамы острые осколки. – Лезь.

Окно было высоко, на уровне его макушки. Дитрих бесцеремонно подпихнул меня под попу, помогая влезть, и я не стала возмущаться. Вскарabalась, кое-как перевалившись через подоконник и то и дело ожидая, что хозяин дома выскочит на меня с дубьем, а то и магией. Но никто не появился. В комнате, некогда бывшей уютной гостиной, царил разгром, у стены валялись перевернутые стулья, и я едва не упала, зацепившись за их ножки.

Дитрих легко подтянулся, перевалился через окно, спрыгнул на пол. Оглядевшись, подобрал с пола булавку. Судя по всему, она выпала из одеяния гостей, сидевших у окна – я слышала, что хозяева таких квартир в дни казней зарабатывали, предоставляя места желавшим зрелищ и удобства одновременно.

– Сколи плащ, – он протянул мне булавку. – И погнали дальше, пока нас не достали.

– А отсюда нельзя выстроить портал? Пока нам никто не мешает? – сделала еще одну попытку я.

– Птичка, мне, конечно, льстит, что ты так хорошо думаешь о моих силах, но нет.

- Я могу дать тебе силы.
- Ты светлая. Я темный. Скрючит нас обоих.
- А восстанавливающее зелье?

Я в который раз попыталась сколоть плащ и лишь проткнула палец. Руки дрожали, и простейшее действие никак мне не давалось.

– Вот, знаешь ли, каждый день прогуливаюсь по площади правосудия, набив карманы восстанавливающими зельями, – усмехнулся Дитрих.

Он отобрал булавку, склонился к моей шее. Пальцы коснулись моего подбородка, дыхание скользнуло по щеке, и я замерла, охваченная непонятным – и совершенно неуместным! – смятением. От каждого его нечаянного прикосновения по коже словно проскакивали искры, поднимая дыбом мельчайшие волоски.

- Но если ты пришел меня спасти, почему не запасся зельями?!

Я до сих пор не могла осознать это до конца. Человек, которого я едва знала, явился и вытащил меня с эшафота. Воплощенное зло избавило меня от мучительной смерти, на которую обрекли те, кого я считала своей семьей.

- Я не собирался тебя спасти, – отрезал он. – И мы еще не спаслись. Давай руку.

Он снова повлек меня прочь, слишком оторопевшую, чтобы сказать хоть слово.

Я думала, мы сразу выйдем на заднюю сторону дома, в проулок, но на лестнице Дитрих потянул меня не вниз, а вверх. Я открыла было рот, но прежде, чем успела спросить, он пояснил:

– На улицу – самый очевидный путь, там нас и догонят. Так что придется уходить по-другому. Быстрее!

Он помчался по лестнице, перелетая через ступеньки, мне, волей-неволей пришлось делать так же, и просто чудо, что я нигде не оступилась и не скатилась обратно.

Чудо или все та же уверенная и крепкая рука, что неуклонно влекла меня за собой?

Мы выбрались на крышу, спустились к краю. Из-под ноги выскользнула черепица, я пошатнулась, взвизгнув, но Дитрих подхватил меня. Однако мой крик услышали. Демон взмыл со стороны площади, повис, разглядывая нас, как мне показалось, с издевательским предвкушением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.